

Игуменья Арсения

(Из записок Е. И. Рерих)

Приложение: Из жизнеописаний игуменьи Арсения.
Из записок матушки Арсения.
Из писем к П. А. Брянчанинову и другим корреспондентам.

В архиве Павла Фёдоровича Беликова (Козе-Ууэмьйза, Эстония) сохранились машинописные листки (14 страниц) записей Е. И. Рерих о своих предках и родственниках, с подзаголовками «Род Шапошниковых», «Герб рода Голенищевых-Кутузовых», «Род бабушки Азарьевой», «Род Путятинных».

Кирилл П. Беликов запомнил слова своего отца, что по настоянию сыновей Елена Ивановна по памяти составила такую родословную.

Ряд особенностей этого машинописного текста (подробнее о них в предстоящей полной публикации) говорит за то, что:

1) он был в своё время перепечатан с некоей другой *неправленной* перепечатки — которая (вне всякого сомнения, не просмотренная Е. И. Рерих), в свою очередь, непосредственно или же опосредованно восходила к её рукописным листкам;

2) это были действительно «записки по памяти» (периода 1954–1955 гг.), предназначенные для домашних, но никоим образом не для публикации в таком виде.

Последнее лишь подтверждается тем, что заголовок «Герб рода Голенищевых-Кутузовых» и первые три абзаца за ним никак не выделены среди остального текста, хотя на самом деле списаны с официального документа (Копии из *Гербовника дворянских родов**, выданной Василию Ив. Голенищеву-Кутузову, деду Е. И. Рерих, в Правительствующем Сенате в 1798 г.), подлинник которого хранился у Рерихов**.

Замечательные результаты едва ли не исчерпывающих исследований И. В. Сахарова*** дают, на наш взгляд, веские дополнительные доводы в пользу того, что:

а) Е. И. Рерих оставила эти записки в рукописном виде,

б) перепечатывались они первый раз, скорее всего, уже после её ухода, причём тот, кто это делал, не слишком вникал ни в сам материал (так, из текста вышеупомянутой Копии выпала фраза «У сего Гавриила был праправнук Фёдор Александрович Кутуз» — о предке, с которого пошла сама фамилия Кутузов!), ни в нюансы далеко не самого разборчивого почерка (в котором, к примеру, *Варенцова* и *Воронцова* могли выглядеть практически одинаково).

В этих записках отразились сведения, которые бытовали в семейном кругу, в том числе нигде больше не записанные, и даже сами неточности в них подчас весьма показательны

* Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797-м году. Часть вторая. Первое отделение. [Раздел 3.] Гербы родов Дворянских Российской Империи. С. 31, 31а.

** Цветное воспроизведение см.: Утренняя Звезда. № 2–3. М.: МЦР, 1997. С. 370–371.

*** Сахаров И. В. Предки и родня Е. И. Рерих с отцовской стороны: Просопография и генеалогия семейства Шапошниковых и его родственного окружения по архивным документам // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. 1. СПб., 2002. С. 496–565.

(чужие опечатки, понятно, не в счёт). Исследователи получили ценнейший ориентир для дальнейших изысканий — и нет сомнений, что их усилиями со временем по архивным и печатным источникам в этом направлении будет так или иначе выявлено всё, что там можно обнаружить.

Вчитываясь в эти строки, подчас обрывающиеся на полуслове, с почти дословными повторами, трудно отделаться от впечатления, что они писались урывками, без каких-либо мыслей о литературной отделке и практически не заглядывая в уже написанное. Вспомним, однако, какая ноша лежала на плечах Е. И. Рерих в последние годы её жизни,— и для справедливых претензий к автору записок за их несовершенство просто не останется места: лишь восхищение, как ей удавалось выкраивать для них время, и огромная признательность за то, что они вообще появились.

Машинопись из архива П. Ф. Беликова воспроизводится нами с минимальными изменениями, касающимися знаков препинания; в угловых скобках раскрыты сокращения и отточиями <...> обозначены выпущенные места; добавленное нами заключено в квадратные скобки; буква ё также добавлена при публикации.

Единственное исключение — написание фамилии *Себряковы* именно так, хотя в машинописи они всюду *Серебряковы*. Мы более чем склонны видеть здесь «смысловую правку» того, кто первым перепечатывал записки Е. И. Рерих. Чтобы такое предположение не показалось совсем надуманным, отметим, что поминаемый ниже Василий Михайлович Себряков постоянно присутствовал в ежегодных изданиях *Адрес-календарь, или Общій штат Российской Империи...*, и тем не менее в *одном* из выпусков (на 1879 г.) вдруг оказался Серебряковым.

Если бы петербургским коллегам удалось узнать дату свадьбы Василия Вас. Голенищева-Кутузова и Анастасии Вас. Себряковой (предположительно между серединой 1880-х гг. и 1891 г.), то тем самым мы узнали бы, когда произошла эта столь памятная для Е. И. Рерих встреча с игуменией Арсенией, впечатления от которой она пронесла через всю жизнь...

И ещё о знаменательных встречах, дату которых хотелось бы установить. В одном из помещённых ниже писем игумения Арсения вспоминает о своём приезде в Петербург, о поездке вместе со своей корреспонденткой (обозначенной как А. С.) в Кронштадт к отцу Иоанну и о посещении самим Иоанном Кронштадским того дома в Петербурге, где они жили («нашего дома»). Когда же это было?

К сожалению, письма игумении Арсения к А. С. не датированы. Однако из содержания их следует, что это было не ранее 1883 г. И что, вне всякого сомнения, А. С. — одна из трёх её племянниц, дочерей её брата Василия Михайловича Себрякова; что она близко к сердцу принимала многочисленные трудности игумении Арсения (связанные, очевидно, со строительством и усовершенствованиями в монастыре), и что перед этими петербургскими встречами она проживала вместе с родителями, где-то недалеко от Усть-Медведицкого монастыря. Какие же обстоятельства одновременно привели игумению Арсению и А. С. в Петербург? Трудно удержаться от предположения (которое, конечно, нуждается в проверке) — не происходило ли всё это в те самые дни, о которых рассказывает Е. И. Рерих?

Конечно, очень хотелось бы надеяться, что со временем где-то будут обнаружены хоть какие-то более ранние версии этих материалов из архива П. Ф. Беликова, с меньшим количеством того, что после Е. И. Рерих привнесли туда переписчики.

Из записок Е. И. Рерих

Прадед Иван Голенищев-Кутузов¹ <...>. Имел двоих сыновей и одну дочь <...>. Старший сын <...>.

Второй сын Василий² <...> имел <...> восемь детей. Четыре сына, из которых двое умерли в детстве, и 4 дочери. Старший сын <...>. Младший — Василий³ <...> был женат на Анаст. Вас. Себряковой⁴, отец её был Вас. Михайл. Себряков⁵, губернский предводитель дворянства в области Войска Донского и камергер Его Величества. <...>

Вас. Вас. Г.-К. имел четырёх дочерей: старшая, Нина (или Анна)⁶, сделалась настоятельницей монастыря в Палестине <...>.

Дядя Вася, брат моей матери, был женат на дочери Василия Михайловича Себрякова, губернского предводителя дворянства в области Войска Донского и камергера Его Величества <...>.

¹ Голенищев-Кутузов Иван Васильевич (р. 1775(?)). Дата рождения предположительная, на основании указанных источников, где в ней, очевидно, опечатка (1795), поскольку в 1798 году Правительствующий Сенат именует его подпоручиком, а в 1801 г. родилась его старшая дочь. (Дворянские роды Российской империи. Т. 2. СПб, 1995. С. 132; Шумков А. А. Род Голенищевых-Кутузовых. М., 1995).

В целом в генеалогической литературе отцу Ивана Васильевича — Василию Матвеевичу Голенищеву-Кутузову (чей родной брат Илларион Матвеевич был отцом фельдмаршала), со всеми его потомками, традиционно «не везло». До сего дня им зачастую не находится места на родословном древе фельдмаршала Кутузова в его биографиях.

² Голенищев-Кутузов Василий Иванович (1814–1878) в 1832 году из школы гвардейских подпрапорщиков вышел прапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк, в 1834 году кончил курс Императорской Военной академии (1-й выпуск). В 1836–1846 гг. служил в Генеральном штабе на Кавказе, откуда в 1846 году был уволен, полковником, по болезни. Впоследствии проживал в Псковской губернии, где служил по выборам, сохраняя военное звание полковника. В 1865 г. — мировой посредник Холмского уезда, почётный мировой судья, гласный Торопецкого уездного земского собрания. (Дворянские роды... С. 132; Шумков. Род Голенищевых-Кутузовых... ; История лейб-гвардии Семёновского полка. Сост. П. Дирин. Т. 2. СПб., 1883 (здесь он ошибочно назван Вас. Вас.); Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. Список: Офицеры, окончившие курс Императорской Военной академии и Николаевской академии Генерального штаба с 1834 по 1882 год; Памятная книжка Псковской губернии на 18.. (74, 76, 77, 79) год. Псков, 18.. (73, 75, 76, 78).

³ Голенищев-Кутузов Василий Васильевич (9. 4. 1861–2. 10. 1927, Александрия) окончил 1-е военное Павловское училище, на государственной службе с 1883 года, в 1902–1914 гг. причисленный к Министерству внутренних дел, в 1914 году действ. член Попечительского Совета приюта принца П. Г. Ольденбургского, надворный советник. (Дворянские роды... С. 132, 136; Шумков. Род Голенищевых-Кутузовых... ; Российский некрополь в Египте // Историческая генеалогия. СПб., 1994. № 3. С. 12; Шумков А. А. Себряковы / «Свод поколенных росписей». Вып. 8. СПб.: ВИРД, 1999. С. 40–41; Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Яросл., 1913. С. 523пр.; Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1914 г. Часть I. СПб., 1913.)

⁴ Голенищева-Кутузова Анастасия Васильевна, р. Себрякова (ум. 15. 5. 1914, СПб), писательница. (Шумков. Род Голенищевых-Кутузовых... ; Шумков. Себряковы... С. 40–41, там же список её сочинений).

⁵ Себряков Василий Михайлович (1832–весна 1904) — офицер лейб-гвардии казачьего Его Величества полка (1853–1857), отставной гвардии поручик (1857), почётный смотритель Усть-медведицкого окружного училища (впоследствии гимназии), предводитель дворянства в области войска Донского в 1868–1870 гг., к 1879 г. камергер двора Его Величества; статский советник. (История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. Сост. офицерами полка. СПб., 1876. Прилож. IV. Список гг. генералам, штаб и обер-офицерам... С. 602; Любимов С. В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской Империи 1777–1910 г. СПб., 1911; Шумков. Себряковы..., там же список его сочинений; Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Области Войска Донского. М., 1913.)

⁶ Голенищева-Кутузова Анна Васильевна (р. 17. 9. 1892). (Шумков. Род Голенищевых-Кутузовых... ; Шумков. Себряковы... С. 41.)

Василий Мих. Себряков имел сестру, которая приняла постриг в самые молодые годы в силу видения, кот<орое> она имела ещё в отрочестве. Она видела прекрасный храм, и на стенах храма были вписаны женские имена. И услышала Голос, сказавший ей, что она будет основательницей этого храма и женского монастыря при нём. Имена, записанные на стенах, — имена её сподвижниц. Среди них стояло и её имя.

Она пожертвовала всё своё большое состояние и стала настоятельницей монастыря. Все запечатлённые на камнях стен имена её сподвижниц [подтвердились, они] оявились её сотрудниками. Народ почитал её святой.⁷ В семье она пользовалась большим почётом. Конечно, она приехала на обручение и свадьбу племянницы за моего дядю, и очень одобрила всю нашу семью. Помню её сидящую в большом, глубоком кресле, всю в чёрном и с таким добрым выражением глаз! Все родные с детьми собрались принять её благословение. Я немного замешкалась, и мать моя тихо, но серьёзно выговаривала мне. Но добрые глаза её остановились на мне, и она позвала меня, и когда я подошла, чтобы принять благословение, она ласково положила руку на мою голову и, посмотрев на мою мать, громко и отчётливо сказала: «Она лучше вас всех». Это произвело сильное впечатление, и, вероятно, потому я стала любимицей моих родных, особенно моей новой тётки — жены дяди Васи. Жена моего дяди отличалась редкой добротой и чудесным нравом. Нрав её наследовала её старшая дочь, настоятельница монастыря в Палестине.

⁷ Себрякова Анна Михайловна (в иночестве Арсения) (3. 7. 1833–21. 7. 1905, Саров), с 17 лет монахиня, с 1864 года игуменья Усть-Медведицкого Преображенского монастыря на Дону. (Игуменья Арсения... ; Шумков. Себряковы...) См. выдержки из её жизнеописаний и библиографию в Приложении. Станица Усть-Медведицкая — с 1933 г. город Серафимович, центр одноимённого района Волгоградской области.

Из жизнеописаний игумении Арсения

(Память 21 июля*)¹

*Путие праведных
подобне свету светятся.*
Притч. 4, 18

В ночь под 22 июля 1905 года мирно скончалась о Господе великая старица, игумения Арсения (Себрякова), настоятельница Усть-Медведицкого монастыря Области войска Донского. Почила она смиренной странницей, далеко от своей родной обители, от близких, горячо любящих её духовных детей, в благодатном Сарове, под чудным покровом Преподобного Серафима, этого великого учителя смирения, к которому она питала особенную веру и любовь. И теперь, возымев горячее желание посетить его обитель, поклониться его мощам, она исполнила своё благочестивое намерение, несмотря на старческие годы, болезнь и предчувствие близкой кончины.

Мало известная шумному свету, игумения Арсения была одной из редких избранниц Божиих *не от мира сего***, всё оставившая и последовавшая Христу. Всю свою 72-летнюю жизнь посвятила она на служение Богу и людям и, как *свотильник горяй и светяй****, она многих освящала и просвещала своим живым словом, своим примером и дивными подвигами души. Смиренная труженица пустынной обители, она была велика своей живой верой в Бога, своей любовью к Нему, своими подвигами, столь высокими, в особенности в наше время, оскудевшее истинными подвижниками. Об этой высокой жизни, о дивных подвигах её, я решаюсь поведать миру своею слабою неумелою рукою. Я верю, что там, в загробном мире, своею бессмертною душою матушка видит нас. Благослови же, родная, мой труд, направи мои мысли, вдохнови моё сердце!²

Игумения Арсения в мире Анна Михайловна Себрякова. Её родители Михаил Васильевич и Мария Алексеевна Себряковы были знатные и самые богатые дворяне во всём Войске Донском. Отец её занимал высокую и почётную должность областного предводителя дворянства Войска Донского, был образованным русским человеком прошлого столетия и глубоко религиозным. Матери своей Анна Михайловна лишилась рано, лет пяти или даже менее того, так что не помнила её.

Её родители, как люди благочестивые и набожные, ежегодно ездили в Воронеж на поклонение мощам святителя Митрофана и для беседы со святителем воронежским Антонием. Иногда в такое путешествие Михаил Васильевич и Мария Алексеевна брали с собой кого-нибудь из детей. Раз, когда Анне Михайловне было три года, родители взяли и её с собою и, по обыкновению, посетили архиепископа Антония, прося его святительского благословения их малолетней дочери Анне, которую няня держала на руках; но девочка вырвалась с рук няни и поклонилась в ноги архиепископу Антонию, к великому удивлению и изумлению её родителей и няни. Тогда великий святитель благословил ребёнка и сказал: «Ваша дочь Анна будет монахиня и великая подвижница».¹

... Один случай из её раннего детства поразил окружающих и вызвал немало разговоров в семье. Мария Алексеевна, мать её, благоговейно чтит святителя Митрофана Воронежского,

* 3 августа по нов. стилю.

** Ин. 18, 36.

*** Ин. 5, 35.

от иконы которого получила дивное исцеление во время тяжкой болезни. С тех пор она ежегодно с Михаилом Васильевичем совершала путешествие в Воронеж. Иногда дети сопровождали их. В одну из таких поездок они взяли с собой маленькую Анету, которой шёл тогда третий год. В то время в Воронеже был архиепископом преосвященный Антоний (Смирницкий), многими почитаемый за свою строгую святую жизнь и прозорливость. Михаил Васильевич был давно знаком с ним и глубоко уважал его. По приезде в Воронеж родители Анеты и на этот раз, как всегда, поспешили посетить архиепископа, взяв с собой и её. И вот, как только она увидела святителя, то быстро вырвалась из рук державшей её няни, побежала к нему и поклонилась в ноги. Прозорливый старец благословил её и, обращаясь к изумлённым родителям, сказал: «Эта будет великая жена». Слова его сбылись, так как игумения Арсения поистине была велика своими подвигами и духовной жизнью.²

Отец Анны Михайловны, рано сделавшись вдовым, всю свою жизнь посвятил на воспитание детей, которых у него осталось шестеро: три сына и три дочери, из них Анна была младшая. Он стал вести жизнь аскета и строго наблюдал за детьми, дал им блестящее образование и светское воспитание — достойные того высокого положение, какое он сам занимал; но более всего обращал внимание на православно-христианское воспитание души ребёнка, развивал уважение ко всему святому, заставлял изучать жизнь подвижников и мучеников. Более всех он обращал внимание на младшую свою дочь, а Анна Михайловна от природы была одарена редким умом, памятью, соображением, находчивостью, восприимчивостью и отзывчивостью ко всему доброму.¹

Анете было шесть лет, когда умерла её мать. Несмотря на то, что она имела несколько братьев и сестёр, Анета стала чувствовать себя очень одинокой. Михаил Васильевич вёл строгую, полумонашескую жизнь и хотя очень любил детей, но не был щедр на ласки. «Бывало, если случалось, что он приласкает кого-нибудь из нас, а это случалось нечасто, — рассказывала матушка игумения, вспоминая своё детство, — то ласка его как-то особенно чувствовалась, и радости не было конца».

Одарённый от природы большим умом, Михаил Васильевич был высокообразованный человек. Он интересовался астрономией, литературой, естественными науками, душою же был глубоко верующим христианином. После смерти любимой жены, отказавшись от светских удовольствий, он несколько лет прожил безвыездно в своём имении Себрово, углубляясь в созерцательную жизнь, и только в детях находил утешение и как бы некоторую цель мирской жизни. Конечно, такая семейная обстановка, как и личные взгляды Михаила Васильевича на жизнь, не могли не отразиться на воспитании детей. Они любили слушать его, когда он иногда, в час отдыха, заходил к ним в детскую и подолгу беседовал с ними, часто касаясь возвышенных предметов; его же сосредоточенный вид внушал им благоговейное чувство: они не только почитали его как любимого отца, но и видели в нём какой-то высший идеал.

В особенности всё это глубоко западало в чуткую, юную душу его младшей любимой дочери Анны.

Позже, когда она уже была монахиней, он говорил ей: «Ты — исполнение моей мечты; всё, что думал сделать я и не сделал, ты исполнила. Когда тебе было 7 лет, однажды я ходил по саду; в душе моей росла решимость оставить всё и тайно уйти в монастырь. Грустно было мне, слёзы лились из глаз. Вдруг из тёмной отдалённой аллеи выбегаешь ты, бросаешься ко мне, обвиваешь своими ручками мою шею и с беспокойством спрашиваешь, о чём я плачу? Я принял твоё появление за ответ свыше на мои мысли. В душе моей сказалось: „Нет, нет, не могу её оставить, займусь её воспитанием“. С тех пор я оставил мысль о монашестве. Ты точно сказала мне: „Оставь свои намерения, ты не должен покидать меня, а я их исполню“».

В семье в праздничные и воскресные дни был обычай собираться в кабинете Михаила Васильевича, где кто-нибудь из старших детей читал Евангелие или Жития Святых, а он сам объяснял прочитанное. Чтения эти и беседы производили всегда глубокое впечатление на Анету. «Меня так поражало в детстве, — рассказывала она потом, — дивное, высокое учение

Спасителя; а мысль, что мы не исполняем Его святые заповеди, глубоко возмущали мою душу». «Отчего же мы не делаем того, что велит Господь? — спрашивала она у сестёр после ухода отца. — Отчего мы не раздаём всего и не идём за Ним?» Сёстры смеялись над подобными её вопросами, которые она всё чаще и чаще повторяла.²

Если старшие сёстры не всегда сочувственно относились к ней, зато она нашла в меньшем брате Васеньке верного друга, которому решила верить свои заветные мысли и которого не переставала глубоко любить всю свою жизнь. Он подходил к ней своим сосредоточенным характером и любовью к уединению. Она любила слушать его игру на скрипке и всегда по окончании уроков спешила к нему в сад, где он с нетерпением поджидал её, наигрывая её любимые мотивы. Часто любили они вместе качаться на качелях и рассуждать о высоких предметах. Хотя Васенька не мог всегда дать ей ответ на волновавшие её вопросы, но никогда не смеялся над ней и безгранично любил её.²

... Не находя ответа на свои недоумения, она стала обращаться с молитвой к Богу, прося Его указать ей тот идеал, служить которому составило бы цель всей жизни. Горячая детская молитва была услышана. Господь постепенно стал открывать её юному уму, что высший, прекраснейший идеал в мире — Сам Господь Бог. Точно завеса спала с её глаз, так стало ей ясно, что в Боге — покой, счастье и вся жизнь. Желание искать Его, стремиться к Нему, служить Ему озарило всю её душу, наполнило всё существо неведомой ей дотоле неземной радостью. ... Ей было тогда 14 лет. Жизнерадостная и самоотверженная, живая и сосредоточенная, строгая к себе, ласковая и приветливая со всеми, с возвышенной душой и пытливым, глубоким умом, просвещённым благодатью Божией, она была как прозрачный сосуд, весь озарённый внутренним светом.

О монашестве она ещё не думала. Ограничивать местом своё искание Бога ей не хотелось. Впоследствии матушка Арсения рассказывала так о тогдашнем состоянии своей души: «Цель жизни — искание Бога и служение Ему — найдена; вопрос решён, а путь укажет Сам Господь. Мне думалось, что ни место, где я живу, ни круг, в котором вращаюсь, — не удержат меня. Если здесь, в родной семье, не найду я, чего жаждет моя душа, уйду в монастырь. Если не найду и там, пойду дальше, оставлю отечество, даже религию, если не найду истины в христианстве».

Она стала предаваться усиленной молитве, чтению духовных книг и подвигам, которые старательно скрывала от всех. Под обложкой светской книги она держала при себе Евангелие, которое постоянно читала, принимая не одним умом, но и сердцем слово Божие. Никто из окружающих не знал, что творится в юной душе; не знали, что, весёлая в обращении с другими, беззаботная по наружности, она по ночам, когда другие безмятежно спали, подолгу со слезами молилась и ложилась отдохнуть на голом полу.

Так прошло её детство и первые годы отрочества. Уже просватались и вышли замуж её старшие сёстры, и Михаил Васильевич стал думать о женихе для своей младшей дочери. В это время они всей семьёй жили в Новочеркасске, и отец решил вывозить её в свет. Анне Михайловне шёл тогда 16-й год. Прекрасная собою, умная, образованная, богатая, она пленяла многих. Вся слава мира, казалось, была перед нею, но самоё её никто и ничто не пленяло. Душа её, уже вкусившая духовных наслаждений, не могла удовлетворяться чем бы то ни было мирским, и только какой-то непонятный для неё самой страх удерживал её от признания во всём отцу. Может быть, жалела она огорчить его, расстроив все его планы и мечты о её будущности. Между молодыми людьми, посещавшими тогда их семью, был один богатый молодой человек привлекательной наружности, нравившийся Михаилу Васильевичу, которому он, кажется, не прочь был отдать своё «сокровище», как иногда называл он любимую дочь. Однажды он спросил её, нравится ли ей этот молодой человек? «Да, — отвечала она. — Это прекрасное Божие создание. Много получил он от своего Создателя. Как благ и щедр Господь!» Удивлённый таким ответом, Михаил Васильевич спросил её, не любит ли она его? Она отвечала: «Я люблю только Господа; не вы ли сами учили нас любить Его?» И тут только

впервые решилась она заговорить с отцом о том, что так давно хранила в сердце. Она просила его благословения оставить мир и посвятить всю свою жизнь Богу. Молча, со слезами на глазах, слушал он её пылкую речь. Когда же она кончила, он крепко поцеловал её в голову и растроганно произнёс: «Да благословит тебя Господь, дитя моё!»

Но это настроение продолжалось у него недолго. Может быть, он сомневался в твёрдости её решения, считая её слова детским лепетом. Может быть, жалел он отдать её, такую нежную, такую горячо им любимую, на суровый подвиг, который она избирала... Он не заговаривал с ней больше об этом и начал вывозить её в свет. С болью в сердце покорилась она этому решению. Ничто не могло радовать её: ни богатые наряды, ни драгоценные вещи, которые сам он, её любимый батюшка, покупал ей. Оставаясь ко всему равнодушной, она глубоко скорбела, что её не поняли. Светская жизнь со всей своей пустотой так тяготила её, что она доходила даже до болезни. Не раз просила она, ссылаясь на головную боль, позволения остаться дома, когда всё уже было готово для выезда на вечер. И наконец опять повторила отцу свою просьбу позволить ей оставить светскую жизнь. Но, видно, Господь и тогда уже испытывал её терпение: долго не соглашался Михаил Васильевич на её желание, хотя не мешал ей свободно высказаться и даже сам не раз заводил с нею духовную беседу.

Удивляясь в глубине души светлomu уму и чистой, живой вере своей дочери, Михаил Васильевич, интересовавшийся сам духовной жизнью, не мог оставаться равнодушным к её вопросам, которыми она умела так живо заинтересовать его. Он начал понимать, что перед ним не ребёнок, наивно мечтавший о каких-то подвигах, а мужественная юная душа, ищущая Господа, с твёрдой непоколебимой решимостью всё перенести, но не оставить своей цели. И, помимо воли, он оставлял свои занятия, шёл к ней, подолгу откровенно беседуя с нею, и находил всё более и более утешения для себя в этих беседах. Однажды речь коснулась будущей загробной жизни. «Я не боюсь геенны,— сказала Анна Михайловна.— С Господом и ад не страшит меня». Эти слова сильно поразили Михаила Васильевича. И он, точно благоговей перед высказанной ею верой и любовью к Богу, дал дочери наконец полную свободу и благословение на такую жизнь, какой жаждала её душа.

Она боялась, что ему будет не по силам разлука с нею, и поэтому не раз говорила ему: «Я не оставлю вас, батюшка, я постоянно буду служить вам, только позвольте мне не связывать себя никакими светскими узами!»

Отец не стал препятствовать ей ни в чём. Ей отвели отдельную комнату, дали отдельную прислугу и лошадей с экипажем в её полное распоряжение. Она ежедневно посещала церковные службы, проводя остальное время в молитве, чтении и душевительных беседах с отцом. В это время Михаил Васильевич пригласил к ней мастера иконописца, который давал ей первые уроки иконописной живописи, так пригодившейся ей впоследствии в монастыре.

Так провела она остальную часть зимы в Новочеркасске. От природы одарённая мягким отзывчивым сердцем, Анна Михайловна не могла видеть горя или нужды, чтобы не поспешить прийти на помощь. Верная ученица Божественного Учителя, она кормила голодных, утешала страждущих, посещала больных и заключённых, причём, не желая быть узнаваемой, надевала нередко простое платье, покрывалась тёмным платком и в сопровождении служанки ходила в тюрьмы, где часто выкупала заключённых за долги. И всё это она делала просто, не ища себе ни славы, ни благодарности от людей, делала во Имя Христа, которому с юных лет отдала своё сердце, все способности своей души, всю свою жизнь.²

Под влиянием чисто христианского воспитания, с ранних лет Анна Михайловна начала увлекаться жизнью подвижников, и рано у неё созрела мысль подражать им, хотя родитель её Михаил Васильевич, будучи сам строгим подвижником, не поощрял её на это, а, напротив, отклонял и рано стал ей предоставлять права хозяйки дома (старшие его дочери были уже замужем). Он думал, что и Анна Михайловна полюбит светскую жизнь, по примеру своих сестёр; но она, едва достигнув семнадцатилетнего возраста, умолила своего родителя благословить её на тесный иноческий путь со всеми его лишениями и трудностями. Михаил Васильевич, вероятно помня предсказание архиепископа Антония, благословил свою

семнадцатилетнюю красавицу-дочь на жизнь иноческую и лично привёз её в 1850 году в Усть-Медведицкий Преображенский монастырь, отстоявший от его имения верстах в семидесяти, в келию родственницы своей — монахини Леониды Ладыгиной и, с согласия настоятельницы монастыря, игумении Вирсавии, отдал Анну Михайловну под начало монахине Леониде.¹

На правом берегу реки Дона, на склоне высокого плоскогорья, живописно расположен Преображенский девичий монастырь. Чудной архитектуры храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, заново перестроенный храм Преображения с приделом в честь Владимирской иконы Богородицы, ряд чистых просторных келий, окружённых зеленью, — всё это придаёт теперь монастырю вид благоустроенности. Далеко не таким он был лет 60 тому назад. ... В конце 40-х годов он представлял из себя бедную пустынную обитель с двумя церквями, из которых одна, только что выстроенная, была очень малых размеров. Ряд крошечных, крытых тёсом келий, расположенных на возвышенной стороне монастыря, теснотой и убожеством напоминали собою древние жилища пустынников. Монахини большею частью спали на голых досках, прикрытых войлоком. Вся эта бедная обстановка ясно показывала, как тяжела и сурова была в то время их жизнь. Да и сами они, почти все простые, необразованные казачки, с грубой речью и невежественными взглядами на жизнь, были на вид суровы и убоги.

И в этот пустынный, бедный монастырь 30 декабря 1850 года Михаил Васильевич Себряков привёз на жительство свою любимую дочь Анну.²

Монастырь в то время был весьма бедный. Изнеженная, нарядная барышня-красавица облекается в грубую мухояровую* одежду препоясывается кожаными поясами и исполняет самую чёрную работу новоназначенных: носит воду, рубит дрова, топит печки, чистит кухонную посуду, на трапезе подаёт кушанье сёстрам, помогает печь просфоры, а по ночам ходит будить монашествующих на полночную молитву. Свободное от чёрной работы время она посвящает молитве и чтению святоотеческих книг.¹

В Усть-Медведицком монастыре жила тогда дальняя родственница Михаила Васильевича, монахиня Леонида (Ладыгина), в келии которой стала жить Анна Михайловна, с послушницей Дашей, бывшей крепостной Михаила Васильевича. По вступлении своём в монастырь Анна Михайловна отдалась подвигам со всем пылом юной, стремящейся к Богу души. Она проходила почти все послушания, и притом самые трудные: то она помогала раскатывать тесто и печь просфоры, то по ночам ходила колотать — будить монахинь на полуночную молитву, то в трапезе подавала обед и мыла полы наравне с простыми девицами, стараясь во всём подражать им: «Что это, Даша, — сказала она однажды своей келейной, — девицы моют пол в трапезе с босыми ногами, ведь надо и мне так же?» И Даша на другой день с ужасом видела, как Анна Михайловна бежала из трапезы босиком по сырой земле. В келии она вела самую строгую жизнь, не гнушаясь никакой чёрной работой. Так, она помогала другим послушницам колоть дрова, топить печи, мыть и чистить посуду. Спала она всегда в подряснике и кожаном поясе, одевалась крайне просто. Свободное от работы время она проводила в молитве и чтении духовных книг. Она изучала святых отцов не только чрез чтение их творений, но стараясь опытом проходить и усваивать их правила. В это время она взяла на себя труд выучить наизусть всю Псалтирь, так что, когда занималась каким-нибудь рукоделием, ум её не оставался праздным, а уста твердили хвалебные Богу псалмы. Телесные подвиги её доходили до того, что она клала по ночам до 1000 поклонов. Всегда держа в уме молитву Иисусову, она с молодых лет старалась приучить себя к молчанию, положив за правило говорить только самое необходимое. Церковную службу посещала она несколько лет подряд неупустительно, несмотря на то, что утренняя, по уставу монастыря, начиналась в 3 часа ночи. «Трудно мне было привыкнуть вставать так рано, — говорила Арсения. — Иной

* От мухояр — старинная азиатская ткань, бумажная с шёлком или шерстью.

раз сон так одолевал меня, в особенности в зимние тёмные ночи, что я принуждена была выходить из церкви, чтобы как-нибудь преодолеть его. Обойдёшь, бывало, вокруг храма раза три и, продрогнувши на свежем воздухе, уже бодро достоиншь до конца службу».²

Несмотря на разнообразно-трудовую жизнь, которую вела тогда Анна Михайловна, она успевала в свободное от послушания время заниматься живописью. Её трудами были написаны плащаница и шесть больших икон, а именно: преподобных Арсения Великого, Антония и Феодосия Печерских, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника, Моисея Угрина и Сергия Радонежского. Все эти иконы помещены теперь в монастырской трапезе. Занимаясь живописью, Анна Михайловна всегда избегала лишних разговоров. Она или тихо творила молитву Иисусову, или любила напевать ирмосы и другие божественные песнопения, умиляясь всегда душою. Поэтому и лики святых, которых изображала она, имели всегда какой-то духовный отпечаток, умиляли и трогали душу более, чем иное, художественной работы, изображение.²

Игуменья Вирсавия была весьма довольна поступлением Анны Михайловны Себряковой в управляемый ею монастырь и с первых же дней её поступления решила, что Анна Михайловна будет её приемницею по управлению монастырём, почему вскоре же взяла её от монахини Леониды к себе в келию, под личное своё наблюдение и руководство.¹

В келии монахини Леониды Анна Михайловна жила недолго. Вскоре игуменья взяла её к себе, в свои покои. Но жизнь в игуменском доме оказалась совсем не по сердцу юной подвижнице. Игуменья Вирсавия относилась к ней с большою любовью, предусмотрительностью и нежною заботою, что совсем было не по духу ей. То уединение, то духовное стремление к Богу, которого так жаждала она, было теперь невозможно. Занимая одну комнату с игуменьей, она должна была даже сократить свои ночные молитвенные подвиги, а это было нелегко для неё. И вот, несмотря на всё уважение, которое она чувствовала к игуменье, ласки и заботы последней стали тяготить её. Она невольно начала замечать разницу их духовных направлений. Суровые, не одухотворённые внутренним исканием Живого Бога, чисто внешние подвиги игуменьи Вирсавии казались ей почти бесцельными. Да и вообще жизнь в Усть-Медведицком монастыре складывалась совсем не так, как она желала. Ей хотелось совсем уйти от мира и славы его, а это было невозможно здесь, где все её знали и не могли не почитать. Всё это нарушало внутренний мир её души. Явилось много невольных сомнений, недоразумений, разрешить которые не находилось человека.

Состояние её духа тяготило её, и, не находя полного сочувствия своим стремлениям в игуменье и окружающих её, Анна Михайловна стала на стороне искать себе руководителя, который мог бы живым, мудрым словом осветить её путь, объяснить недоумения, но, к огорчению своему, она скоро убедилась, что те монахини, с которыми ей приходилось сталкиваться, были слишком просты и неискусны в духовном рассуждении. В деле своего спасения они почти исключительно уповали на внешние подвиги, мало обращая внимания на очищение своего сердца, а путь делания евангельских заповедей, на который стремилась стать уже тогда Анна Михайловна, был совершенно чужд, даже не всегда понятен им. И вот жажда духовного слова так сильно охватила её, что она решила предпринять путешествие по святым местам в надежде встретить в другом месте то, чего так тщетно искала в своей обители. Она стала неоднократно просить игуменью отпустить её в Киев, предполагая совершить путешествие пешком. Игуменья, боясь за её здоровье, долго не склонялась на её просьбу, и только осенью 1852 года разрешила в виде пробы и испытания своих сил посетить Кременской мужской монастырь, находящийся в 80 верстах, обещая в следующем году отпустить её, если она пожелает, и дальше.

Путешествие в Киев, которое совершила Анна Михайловна летом следующего года, было великим подвигом. ... Наконец дошли они до Киева и пробыли там два месяца. Ежедневно посещая церковные службы, знакомясь на месте великих русских святых с их духовными подвигами, беседа со старцами о духовной жизни, Анна Михайловна укреплялась духовно.

Побывали они и в женских монастырях. Некоторые из них были богаты и благоустроены, но своей внутренней жизнью не нравились Анне Михайловне. Она поняла, что не может найти другого, более подходящего места для созерцательной жизни, как у себя дома, в тихой пустынной обители, на берегу родного Дона, и навсегда оставила мысль о перемене монастыря.²

Настоятельская келия была в это время весьма малопоместительна, почему Михаил Васильевич Себряков на свои средства выстроил большой дом для настоятельницы и немного пониже дом о пяти комнатах для своей дочери, в котором она и стала жить по пострижении в 1854 г. в рясофор с именем Арсени; полное же монашество она приняла 11 января 1859 года на двадцать шестом году жизни.¹

Она понимала всю важность и трудность духовной жизни, предчувствовала тяжкую борьбу духа с плотью, без которой не обходится никакой удалившийся от мира человек, и, не надеясь собственными силами победить влечения плоти и мира, она искала кого-нибудь, кто мог бы руководить её душою. Ей казалось, что игуменья Вирсавия её любит безгранично и сильно балует, почему она искала кого-нибудь другого, кто бы мог взять её в полное послушание; она стремилась подчинить себя и свою волю и сердце опытной подвижнице, и притом суровой. Господь исполнил её желание: жизнь одной из сестёр обители, именно схимонахини Ардалионы, поразила монахиню Арсению, почему она всецело отдалась этой схимонахине под руководство, отрешившись совершенно от своих личных взглядов, от своего личного «я». Под руководством этой схимонахини она ещё более усилила пост, молитву, бдение и предалась подвигам, изнуря своё тело, непрестанно борясь с привычками, полученными в богатой аристократической семье, непрестанно борясь сама с собою; а схимонахиня Ардалиона требовала именно, чтобы Арсения видела перед собой только свои грехи, свои недостатки, а всё, что было доброго в ней, все свои подвиги, дела милосердия, приписывала одному Господу Богу. Конечно, это было весьма трудно, в особенности при многочисленных, тяжёлых подвигах монахини Арсени; однако она всё преодолела и достигла такого состояния, что, и ставши игуменией, всё от глубины души предавала в волю Божию и Ему одному приписывала все добрые плоды своей многолетней и многотрудной жизни.¹

В 1854 году Анна Михайловна была пострижена в рясофор с именем Арсени. С этого времени она стала жить в отдельной келии, построенной возле настоятельского дома Михаилом Васильевичем, который ничего не жалел для своей любимой дочери. Он часто навещал её, сам входил в интересы её жизни, желая по возможности облегчить ей её суровый путь. Через пять лет, 11 января 1859 года, мать Арсения была уже пострижена в мантию. В этом же году Господь послал ей великое утешение: она наконец нашла себе духовную наставницу, которую так давно искала.

Между новопостриженными находилась монахиня Алевтина, принявшая схиму с именем Ардалионы. Подвижница, глубоко понимавшая духовную жизнь, дочь бедного священника, Ардалиона с юных лет посвятила себя Богу, проходя подвиг внутреннего делания. Ей-то именно и было суждено стать наставницей Арсени. Мать Арсения давно знала Ардалиону, но общения друг с другом они не имели. Иногда только случалось Ардалионе брать у матери Арсени книги из её библиотеки. И, возвращая книгу, Ардалиона иной раз высказывала своё мнение о прочитанном, из которого мать Арсения могла убедиться, что понятия у неё духовные. Но дальше знакомство их не шло. Отчасти и сама Арсения избегала этого. Привыкши к деликатному и вежливому обращению, она не могла понять монашеской прямоты и простоты Ардалионы, переходящей подчас в грубость. Однажды мать Арсения высказала ей это. «Ваше слово сильно и правдиво, оно властно действует на меня, но я не люблю вашей грубости: она мне кажется нелюбовью к ближнему»,— сказала она. На это Ардалиона ответила добродушным смехом, а потом заметила: «Ну вот ты деликатная, а сама всё с сумкой ходишь по монахам с просьбой: „Скажите слово на пользу душе“. Будет тебе

побираться, имей своё слово, которое бы тебя питало». Эти слова, сказанные в шутовском тоне, запали в душу Арсении, хотя и после этого она всё-таки избегала Ардалиону. Когда же после пострига им приходилось подолгу оставаться в церкви между службами и мать Арсения начала обращаться к схимнице с разными вопросами о своих помыслах, то из ответов схимонахини она убедилась, что та глубоко понимала духовную жизнь. Она удивлялась её ясному определению состояний человеческой души, её понятию о молитвенном состоянии и других предметах духовных. А схимница, с своей стороны, видя у своей слушательницы сильное стремление к возвышенной духовной жизни, охотно пошла ей навстречу. «Ты такие предлагаешь вопросы,— сказала она однажды,— что одним словом отвечать на них нельзя, а в церкви беседовать не всегда удобно. Если игумения благословит, то лучше тебе приходиться ко мне в келию, хотя я никого не принимаю, но тебя приму, не потому, что ты Арсения, а потому, что вижу, ты истинно желаешь спастись».

Так с благословения игумении мать Арсения стала ходить в келию схимницы. Эти посещения вследствие разных духовных потребностей скоро стали почти ежедневными.

Убедившись, как благотворно действует на душу учение схимницы, Арсения отдалась ей вполне, как своей духовной наставнице. Немало пришлось ей при этом потерпеть разных оскорблений со стороны сестёр и даже самой игумении. Думаю, причиной их была зависть. Как ни смиряла себя мать Арсения, как ни желала она быть никем незамеченной, она всё же занимала исключительное положение в монастыре, и среди сестёр, вероятно, немало было таких, которые сами искали сближения с нею. Разумеется, им не нравилось, что она не только обратила внимание на схимонахиню Ардалиону, но даже прибегала к ней за советом, как к духовной матери. Не понимая безусловной преданности, которую мать Арсения стала выказывать схимнице, они осуждали последнюю за ту власть, какую она возымела над нею. Некоторым не нравилось ещё и то, что мать Арсения, не жалеющая ничего для схимницы, не зная, чем выказать ей своё расположение, взяла всю родную семью Ардалионы на своё попечение, воспитывала её сирот-племянниц и помогала всем им своими средствами. Сама игумения была тоже недовольна таким сближением Арсения со схимницей, часто укоряла последнюю и не раз выговаривала самой Арсении.

Мать Арсения, ценя больше и выше всего спасение души и видя для себя несомненную пользу от слов схимонахини, терпеливо переносила все эти неприятности, не изменяя своих отношений к ней. Видя это, игумения сказала ей однажды: «Так как ты часто ходишь к схимнице, то уж лучше возьми её к себе в келию». С радостью приняла мать Арсения это слово, и на другой день после обедни, прямо из церкви, с палочкой в руке, старица Ардалиона перешла на жительство в её келию. Монашеское нестяжание Ардалионы было так велико, что кроме двух-трёх духовных книг она ничего не взяла с собою.

С этого дня мать Арсения, не уповая больше на свои собственные подвиги, отдала вполне себя, свою жизнь, свою келию, как и всё, что имела, на волю своей наставницы. «Если я буду плохой послушницей,— говорила она,— то вы можете выгнать меня из келии». И это были не одни слова. Мать Арсения, действительно, до самой смерти схимонахини сохраняла к ней глубокую веру и послушание, почти беспримерное в наше время, а между тем жизнь со схимонахиней была нелегка. «Нас не по лёгкой дорожке вели, и слово, полное духовной любви, не имело никогда покрова деликатности»,— говорила впоследствии матушка.

С молодых лет работая над своим собственным сердцем, схимонахиня Ардалиона имела опытное познание сердца человеческого. Строгая к себе, она требовала безусловного подчинения от своих учениц. «Если делом не хотите исполнить слово,— говорила она некоторым,— зачем его и слушать?» Провидя в матери Арсении высокую избранницу Божией благодати, она неуклонно вела её по суровому монашескому пути. И надо было иметь особенную веру к слову наставницы, видеть пользу этого слова, чтобы, вполне отрёкшись от своей личной воли, подчиниться её руководительнице, как добровольно сделала это мать Арсения.

Два случая ясно показывают взаимные отношения обеих. Желая отучить Арсению от всякой, даже ничтожной, земной привязанности, схимница однажды собственноручно порезала на куски небольшой вышитый коврик, который мать Арсения держала всегда около своей койки и которым она особенно дорожила. Этот поступок, казавшийся со стороны несправедливым, даже жестоким, мать Арсения перенесла с полным смирением и покорностью, видя в нём только заботу наставницы о спасении её души. Другой раз Арсения, без благословения схимницы, подала нищенке полтинник. Схимница, находя, что такими щедрыми милостынями, без особой нужды, она как бы выделяла себя, возвышала над окружающими, опасаясь, чтоб через это не зародилось в её душе высокоумие или тщеславие, с гневом укорив её за своеволие, послала разыскать нищую и взять обратно данный ей полтинник. Много и других было случаев мудрого духовного руководства с одной стороны, глубокого смирения и послушания — с другой.

Вскоре после того, как схимница перешла жить в келию к матери Арсении, к ней перешли и прежние келейницы схимонахини: Агафия Прокопьева и матушка Рипсимия. Жизнь их текла мирным порядком. «Наша келия не только монашеская, но и схимническая, — говорила Ардалиона. — Если монаху нужно иметь общение с другими только по крайней нужде, то схимнику и говорить даже, кроме этой потребности, не следует». Так в уединении, молитве, созерцании и полном повиновении старице жили они пять лет. Из посторонних редко кто приходил к ним. Если же кто из сестёр и зайдёт бывало, её приветствуют, спросят о деле, но не угощают и ни о чём постороннем не разговаривают. Даже между собою они редко говорили: все жили безмолвною жизнью схимницы. «Эти годы совершенного духовного подвига и уединения я считаю лучшими годами своей жизни», — говорила впоследствии не раз мать Арсения.

По вечерам Арсения читала схимнице отеческие книги, причём последняя часто объясняла прочитанное и иногда так воодушевлялась беседой, что, слушая её, мать Арсения не раз просила позволения позвать и остальных келейниц. «Мне совестно и прискорбно, — говорила она, — одной слушать такое дорогое слово; мне хотелось бы созвать весь мир, чтобы все, слушая и чувствуя силу этого спасительного слова, видели и наслаждались этим». «Ну, и что же из этого будет? — отвечала ей на это схимница. — Слышали многие моё слово, но не приняли его к сердцу. Они слушают меня как приятную музыку, а исполнить моё слово не могут; без исполнения же они и не поймут его; ведь только то слово усваивается и понимается, которое исполняется, а иначе оно может быть поругано». Так, действительно, и случилось впоследствии. Вот в каких словах передаёт сама мать Арсения об этом в составленном ею жизнеописании схимницы Ардалионы. «Действия страстей самых тонких не могли скрываться от прозорливого ока матушки-схимницы. Указывая на эти страсти, живущие в сердце, она давала приходящим совет выходить из них (то есть из страстей), достигать чистоты сердца, чего единого ищет от нас Господь. Своим словом как мечом она действовала на душу ближнего, отсекая её нечистоту, действовала и делом, ставя иногда в такое положение, что или надо отказаться от собственного самолюбия или другой какой страсти, или же потерять руководительницу. Не понимая её высокого слова (высокого по своей духовности) и чувствуя необыкновенную муку сердца при отсечении прирождённых ему страстей, некоторые колебались в вере в руководительницу, считая то, чему она учит, несогласным с учением Церкви. Схимница, не придавая особой важности внешним подвигам, говорила: «Главною целью искания должны быть добродетели. А чтобы приобрести их, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту: нелегко это — надо трудиться даже до смерти, надо подвизаться добрым подвигом даже до отречения своей души». Слово это было жестоко, а действие по этому слову ещё жёстче казалось тем, кто не хотел полного отречения от себя. Явилось неверие к самому слову, непонимание его, потом поношение его. Смутившеюся была одна монахиня К., смутившаяся по своей простоте, но смущение она передала всей обители. Горячей вере близких учениц никто не последовал, а смущение все приняли и все поверили ложному толкованию непонятого слова».

Может быть, это общее смущение было причиною того, что игуменья Вирсавия запретила сёстрам монастыря всякое общение с келией схимницы Ардалионы. Глубоко скорбела мать Арсения о таком отчуждении сестёр. Гораздо позже, в преклонных годах своей жизни, вспоминая об этом, она говорила одной из своих близких учениц: «Многие, слушая слово покойной схимницы и моё, принимали с радостью, но когда это живое слово начинало действовать по себе, когда приходилось на опыте, поступая по слову, бороться со страстями, находившимися в сердце, прежде даже не замечаемыми, тогда они бросали всё, уходили и говорили: „Это учение еретическое, оно помрачает и отягощает“. Они старались предать его забвению, входили в свою обычную жизнь и опять чувствовали себя легко. Скажи мне, можно ли назвать ересью учение, основанное на Евангелии и согласное со всеми отцами Церкви?»

«Путь борьбы против страстей,— продолжая далее беседу, говорила матушка,— путь самый трудный. Он указан Иисусом Христом и Им же назван тесным и прискорбным. Другой путь более лёгкий, которым идут многие, это — жизнь по страстям. Ты видишь, многие сёстры даже не знают, не понимают о существовании другого пути кроме того, которым они идут. Сходила в церковь, прочитала известное правило, отложила известное число поклонов — и убеждена, что исполнила всё. Они не берутся за труд над своим внутренним человеком, не ищут, не стараются истреблять страсти в корне их. В молодости я много искала, много несла подвигов телесных и душевных, но я не уразумела главного, пока не услышала слова схимницы. Оно открыло мне очи, осветило путь, и потому я всегда отвечала игуменье Вирсавии, когда она укоряла схимницу и отдавала мне на обсуждение её грехи, словами прозревшего евангельского слепца: „*Не знаю, грешен ли этот человек или нет, но одно знаю, слепой я была, а теперь вижу*“».

Не раз с болью в сердце высказывала матушка Арсения своим келейным, как горько было видеть ей, что такой необыкновенный яркий светильник, как называла она схимницу, стоит под спудом. Утешая её, схимница говорила: «Ты скорбишь о том, что тебе одной всё досталось, а может быть, для тебя-то Господь послал мне благодать уразуметь Его слово. Не знаю, к чему тебя Господь готовит, но вижу, что тебе Он много даёт». Сама же схимница благодушно переносила поношения, говоря, что только ими и может спастись.²

В мае 1862 года монахиня Арсения была определена казначеей монастыря, и деятельность её увеличилась.¹

В 1862 году игуменья Вирсавия подавала прошение об увольнении её от должности настоятельницы, по старости лет. Вместе с тем сёстры монастыря просили преосвященного Иоанна, управлявшего тогда Донской епархией, чтобы он не сменял её. Владыка оставил её на игуменстве, назначивши ей помощницей мать Арсению, которую определили на должность казначеи 4 мая 1862 года. Но недолго после этого пришлось жить игуменье Вирсавии: она скончалась 21 ноября 1863 года.

После её кончины почти все сёстры обратились к матери Арсении с просьбой принять на себя начальство над монастырём и быть им матерью и игуменьею. Но матушка, не желавшая никакой перемены в своей жизни, просила их отложить избрание начальницы до погребения умершей игуменье. Между тем сёстры стали одна за другой приходить к схимнице Ардалионе, прося её убедить Арсению принять настоятельскую должность. Схимница и сама, по своему убеждению, желала этого избрания. Она всё время до погребения игуменье уговаривала Арсению не отказываться от этой должности. Мать Арсения из-за послушания к схимнице согласилась, говоря, что не только принять игуменство, но даже, по повелению её, она готова оставить монастырь, чем больше всего дорожила на свете. Так велико было у неё послушание к своей наставнице!

Схимница же, видя, как тяжело ей расставаться с безмолвною жизнью, к которой лежала её душа, видя её постоянные слёзы, убеждала её добровольно принять на себя новый подвиг. «Хотя и желаю,— говорила она,— чтобы ты исполнила в этом мою волю, но желаю также, чтоб ты сама убедилась в необходимости её исполнить, чтобы ты с охотой приняла на себя

должность, которую предлагают тебе сёстры и к которой призывает тебя Господь; чтобы ты пожелала с усердием послужить обители, воспитавшей тебя в монашеской жизни. И для тебя самой, для твоего спасения такая деятельность необходима. С самого поступления в монастырь ты жила уединённою жизнью, работала над своим внутренним человеком. Если и проходила ты послушания, то в них ты не вкладывала своего сердца, тебя там не было, до тебя, значит, ничего не касалось. А тебе нужна такая деятельность, в которой приняли бы участие все чувства твоего сердца, все способности твоей души. Ты увидишь, что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неизвестные. И самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев — все обнаружатся. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтобы их познать в себе, чтобы они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может.

Настоящее твоё бесстрастие есть только равнодушие ко всему, оттого оно не даёт тебе теплоты и полноты внутренней жизни, тогда как истинное бесстрастие есть выход из страстей, дающий свободу духу. Чистота сердца не есть его нечувствие, уничтожающее в нём сочувствие к страстям. Твои отношения к ближним холодны оттого, что они не растворены ни любовью, ни смирением. Ты готова помочь их нужде, отдать всё, что имеешь, но в этой помощи нет тебя самой.

Когда настоятельница должность введёт тебя в тесное общение с другими жизнями, с другими душами, и они раскроют перед тобою все скорби, все немощи, все страдания человечества, боримого страстями, человечества, находящегося в слепоте неведения, и ты не только внешней помощью, но внутренним чувством войдёшь в сочувствие к ближнему, удовлетворяя его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его как собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И когда скорби ближнего тебе станут больны как свои, тогда ты можешь уйти в затвор. Ты понесёшь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет молитвой за весь страждущий род человеческий. Убеждая тебя принять игуменство, я призываю тебя не на честь, а на великий подвиг борьбы и труда над собственной душою и над душами сестёр. Если ты откажешься вступить на этот путь, то ты откажешься от данного тебе Господом средства к собственному очищению и пути, ведущего тебя к совершенству. Эти годы уединённого безмолвия, эта жизнь со мною, эти постоянные беседы духовные не были ли посланы тебе как приготовление к готовящемуся тебе подвигу? И можешь ли ты теперь, имеешь ли право отказаться вступить на новый подвиг труда и борьбы?»

Убеждённая такими доводами старицы, матушка Арсения с душою, полною мужества и готовности к новому подвигу, приняла предлагаемую ей должность. 3 января 1864 года, на 31-м году своей жизни, она была посвящена в сан игумении архиепископом Иоанном в Новочеркасске.²

21 ноября 1863 года скончалась игуменья Вирсавия, завещавшая сёстрам обители избрать казначею монахиню Арсению её преемницей и заранее об этом просила высокопреосвященнейшего Иоанна, тогдашнего архиепископа Донского, почему, по утверждению Св. Синодом, 3 января 1864 года в Новочеркасске казначея монахиня Арсения возведена в сан игумении монастыря.¹

Несмотря на всю готовность потрудиться в настоятельской должности, для матушки игумении Арсении переход от жизни уединённой к деятельности общественной был очень тяжёл. Новые условия жизни предъявляли свои права: она чувствовала, точно поток какой-то увлекает её в иную жизнь. Она боялась, что он унесёт её далеко и невозвратно от дорогого для неё безмолвия, и потому всеми силами души старалась держаться возле схимницы Ардалионы, которую упросила перейти жить с нею в игуменский дом. Схимница, видя часто её взволнованной, говорила ей: «Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что меня уж нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни. Я же вижу, что хотя поддерживаю твой дух, но мешаю тебе жить. А что мешает нам на пути, от того надо отречься, хотя это будет единокорный друг или даже наставник».

Схимница не могла долго ужиться в игуменском доме и стала просить мать игумению отпустить её в затвор. Для этого матушка начала строить ей на средства своей родной сестры, Аграфены Михайловны Мержановой, небольшую келию в монастырском саду. Но не успели окончить постройку, как Господь призвал схимницу в иной мир. Сильно, до болезни, скорбела мать Арсения о потере духовной матери, тем более что умерла она в её отсутствие, когда матушка ездила навестить отца своего. Казначей монастыря, матушка Валерия, распорядилась похоронить схимницу, не дожидаясь возвращения матушки, чем ещё более усилила её скорбь.

Умерла схимница, но жива осталась она в сердце матушки. Вера в свою духовную наставницу поддерживала, укрепляла её дух. Матушка часто посещала дорогу для неё могилку и там поверяла ей, как живой, все свои скорби, сомнения и получала обильное духовное утешение.

Любила матушка Арсения, даже в последние годы жизни, вспоминать беседы схимницы. Действительно, мудро и высокодуховно было её слово. Но, вспоминая его, удивляясь ему, в душе невольно восстаёт теперь другой, более близкий сердцу образ незабвенной матушки Арсени.

«Одно должна знать душа,— говорила схимница в своих беседах,— что только в Боге её покой и предел исканий. Поэтому она должна выйти в совершенную свободу не только от страстей, но и от своих чувств, в свободу от всего временного и войти в Бога. Такая свобода есть младенчество души, неведение зла. В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живёт жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не унижает, ничего не исключает из общей жизни как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чём не заключена, она точно умерла для своей жизни. Она вышла в свободу из себя самой и заключилась в Боге Вечном. И то, что в ней живёт, и то, что всё объемлет, это — Христос, Который стал полнотою её сердца, руководителем её ума. К такому состоянию приводит свобода от всего человеческого».

Сказанное схимницей о душе, отречённой от всего человеческого, вполне подходит к состоянию духа матушки Арсени, в особенности в последние годы её жизни, когда тот высший идеал любви к Богу и ближнему был до того усвоен ею, что она действительно, как говорила схимница, переживала в сердце своём все скорби ближних как свои собственные, а неземная любовь к Богу светилась в её чудных глазах. Иногда же так воодушевлялась она в духовной беседе, что лик её менялся, и нельзя было без особого внутреннего волнения слушать её слово. В такие минуты всё земное точно не существовало для неё — она жила вся в Боге.²

Первое её внимание было обращено на малограмотность сестёр,— и она открыла училище о четырёх классах, при монастыре, с преподаванием в нём: Закона Божия, русского языка, славянского языка, арифметики, чистописания, географии и русской истории; — заставила туда ходить в качестве учениц способных молодых послушниц, которые впоследствии были сами учительницами. Преподавала сама матушка игумения Арсения, священники монастыря, монахиня Иннокентия (игумения Старочеркасского монастыря), монахиня Мировия (игумения Одесского монастыря), инспектор Усть-Медведицкой мужской гимназии Юргелевский, учитель той же гимназии Таганов, а с 1873 года Лидия Петровна Воскресенская (настоятельница [после игумении Арсени] Усть-Медведицкого монастыря, игумения Леонида). Когда же здоровье стало изменять игумении Арсени, в училище стали заниматься монахини, воспитанные ею для этой цели.¹

Сделавшись игуменией, матушка Арсения, можно сказать, усугубила свои труды и подвиги. Не оставляя свой внутренний, Единому Богу ведомый подвиг, она энергично принялась за устройство обители, как с внешней стороны, так и с внутренней. И, несмотря на свои молодые годы, она сумела так расположить к себе сестёр, что они не только уважали её, но и благоговели перед нею, хотя, по смирению своему, она никогда не искала этого.

Первою заботою матушки было распространение в монастыре грамотности. Многие, поступая в монастырь, были совершенно безграмотны и лишены возможности поддерживать, укреплять своё благочестивое настроение чтением духовных книг. Игуменья велела обучаться всем безграмотным сёстрам, чтобы каждая из них могла прочитывать себе положенные молитвы, а в свободное время читать слово Божие и творения святых отцов. С этой же целью, собрав все разрозненные книги, принадлежащие монастырю, она составила библиотеку, дополнив её творениями древних святоотеческих писаний. Особенно пополнила она недостаток книг отцов, преподающих правило внутреннего делания, приобретением книг «Добротолюбия», творений св. отцов — преподобных Варсонофия Великого, Ефрема Сирина и других.

В 1867 году заботами матушки игуменьи было открыто в монастыре бесплатное четырёхклассное женское училище с преподаванием в нём Закона Божиего, русского и славянского языков, географии, арифметики и русской истории.

Михаил Васильевич Себряков, не оставлявший и ранее монастырь своими пожертвованиями, теперь, когда дочь его стала настоятельницей, принимал живое участие в делах монастыря. Он помогал ему всегда, чем только мог. Конечно, и школу не оставил без внимания. На его средства были устроены небольшая библиотека и вся необходимая школьная мебель.

Первое время преподавала в школе сама матушка игуменья, священники монастыря и инспектор Усть-Медведицкой гимназии Юргилевский. Когда же здоровье и силы стали изменять ей, то в училище начали заниматься монахини, воспитанные ею для этой цели. Открытие школы в монастыре встречено было общим сочувствием. Преосвященный Платон, тогдашний Донской архипастырь, по возвращении своём из объезда епархии в 1867 году, прислал матушке игуменьи своё святительское благословение за благоустройство монастыря и за открытие в нём женского училища.²

Кроме занятий по училищу, матушка собирала к себе более способных сестёр, много читала и беседовала с ними. Она желала и стремилась из каждой вверенной её заботам послушницы устроить храм Бога Живого, причём немало пришлось ей перестрадать душою в сознании, что слово её не всегда доступно их пониманию, а заповедь о любви к Богу и ближним совершенно чужда их сердца.²

Но хотя и не всем доступно было высокое слово матушки, не все слушали его охотно, в особенности в начале её деятельности, но были и такие преданные, близкие ей по духу ученицы, которые не только что слово её принимали с верою, но и жизнь свою готовы были отдать за неё. И молодая игуменья, видя это, не щадила своих сил, не переставая учить и говорить. Горя неземною любовью к Богу, она всегда старалась внушить и другим эту любовь, старалась пробудить омрачённую страстями и житейскими попечениями душу, возвысить её, просветить, указать ей тот путь евангельских заповедей, хотя тернистый и прискорбный, но единственно верный для спасения, по которому она сама шла неуклонно с юных лет и который считала главной целью жизни, тем более монашеской.

Она любила собирать к себе сестёр для духовных бесед, не пропуская ни одного случая сказать им слово для пользы души. В первые годы своего игуменства она устраивала воскресные чтения и беседы в трапезе, потом, когда силы её стали слабеть, она в торжественные праздники у себя дома принимала монахинь и беседовала с ними. На праздник же Рождества Христова и Вербное воскресенье, по обычаю, издавна установившемуся в монастыре, после утрени клиросные провожали игуменью с пением и зажжёнными свечами в её покои. Здесь, после пения тропаря празднику, всегда говорила она им краткое, но глубоко назидательное слово. ...

«... Вы сейчас пели о волхвах, что они пришли поклониться Христу и их привела звезда. Как только они увидели её, то пошли за нею, и не близко им было идти, и не без трудности они шли, нужно было многое перенести, многому учиться, им нужно было учиться некоторым языкам: сирскому и другим, потом были они и у Ирода, коварного и лживого царя, но они

нигде не останавливались, и звезда довела их до Христа, и они поклонились Ему. Так каждый человек должен идти ко Христу, и у каждого человека есть звезда, непременно есть: это — его стремление, стремление души. Только не все стараются принять правильное внушение этой звезды. Иной направляет своё стремление к исканию богатства; он ищет его, лишая часто себя покоя, подвергаясь опасностям, закупает товар, предпринимает плавание по морю с кораблями; иной засекает хлеб и трудится, не щадя себя, и это всё он делает для обогащения себя; другой стремится к приобретению чести и славы и тоже подвергается опасности. Но это, я говорю, люди, которые неправильно поняли внушение своей звезды и попали на ложный путь. Звезда каждого человека ведёт к Господу, потому что душа каждого человека создана по образу Божию и по подобию. Он её единственное благо и утешение, к Нему единому и должна она стремиться. Не думайте, что только избранные души имеют это стремление, нет, но сами мы заглушаем это стремление и стараемся удовлетворить душу чем-то другим. Звезда, которую видели волхвы, была видима всеми, всем она светила, всем предвозвещала Христа, но не все пошли кланяться Ему, потому что не хотели понять, что она возвещает Христа, принимали её как знамение какого-нибудь собственного благополучия или счастья земного. Иные называли её звездой своего счастья, иные — знамением, что родится у кого-нибудь сын или какой сильный земной царь. И, кроме этих трёх человек, никто не вознёсся выше земных понятий, так все оземлили свои сердца. Будем же мы внимательнее к своей звезде, а то она у нас то блеснёт, то опять затмится, будем очищать от страстей своё сердце, и она воссияет нам ярко и поведёт нас ко Христу, как привела волхвов Вифлеемская звезда! Дай, Господи, сего всем нам!»²

Так всегда, при всяком удобном случае, учила матушка игуменья своим живым словом, учила ещё более примером своей жизни, своей безграничной любовью и верой в Бога, своим состраданием к людям. Слово её никогда не было резким, обличительным; наоборот, в нём всегда видна была нелицемерная любовь и сострадание к людям, к их немощам и даже порокам. Не осуждая никого, она лишь глубоко скорбела о падении человека, которому спешила подать руку помощи. Оттого-то, может быть, слово её и производило такое глубокое впечатление.²

Преосвященный епископ Никанор, Донской викарий... не раз после [1877 г.]... бывал в Усть-Медведицком монастыре, заезжал и в Себрово, и всегда находил особенное удовольствие беседовать с матушкой игуменией. Он и после выезда из его епархии не прекращал этих бесед с нею в письмах, и до самой смерти своей, можно сказать, благоговел перед матушкой. Когда при нём, в бытность его архиепископом в Одессе, в тамошнем женском монастыре умерла игуменья, он просил матушку Арсению переехать к нему в епархию. Но, привыкшая к своему пустынному монастырю, матушка не согласилась на его предложение и послала по его просьбе из своей обители на игуменство в Одесский монастырь монахиню Миропию. Но и потом их духовные сношения не прекращались, и незадолго до своей кончины он прислал ей пять томов нового издания своих проповедей с надписью: *Широкой натуре, глубокому сердцу, высокому уму, развитому христианскому чувству игуменни Арсении разнообразно благодарный недостойнейший Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, умирающий, просящий молитв.*

Матушка Арсения тоже высоко ценила ум и необыкновенный дар слова этого знаменитого проповедника, и смерть его, можно сказать преждевременная, глубоко опечалила её.²

Во все годы настоятельства... великий образ любви к Богу и ближнему она старалась внушить и утвердить в душах, порученных её духовным заботам. Она знала, что не страх исправляет и приводит к Богу человека, а любовь, и что в каком сердце обитает любовь, там обитает Сам Бог; но не все монашествующие понимали это святое руководство, а подчас любовную кротость её считали слабостью,— и только она одна в этом великом деле была воином твёрдым, непоколебимым и всею своею жизнью являла правило веры и образ кротости.

В часы досуга игуменья Арсения любила заниматься живописью, которую знала хорошо ещё в доме родительском, и учила послушниц, даже одно время приглашала художника давать уроки способным к живописи сёстрам, так что теперь в обители имеется живописная мастерская и пишутся иконы как для своих храмов, так и по заказу. Как памятники матушкиной живописи остались: плащаница и шесть больших икон в трапезе: 1) преподобный Арсений Великий, 2) преподобный Пахомий Великий, 3) преподобные Антоний и Феодосий Печерские, 4) преподобный Иоанн Лествичник, 5) преподобный Моисей Угрин и 6) преподобный Сергей Радонежский.

Также матушка читала всех классических русских писателей, находя в них сведения полезные для более полного понимания душ человеческих в современном их состоянии.

Но в особенности её любовь к Богу, Пречистой Его Матери и святым выразилась в построении ею Казанского собора с нижнею церковию во имя преподобного Арсения Великого, чьё имя она носила в монашестве. План на собор был составлен академиком архитектором Горностаевым; но за отдалённостью Усть-Медведицкого монастыря от столицы он не мог сам руководить работами, и игуменья Арсения лично руководила ими: ничего не делалось без её указания, от самой незначительной вещи и до самой главной. Руководила она также живописью, и художники изумлялись её знанию и умению: иной раз заставляла переделывать кое-что по-своему, и всегда выходило лучше, изящнее, чем писали они одни.¹

Устроив в монастыре школу, матушка игуменья приступила к осуществлению другой давнишней своей мечты, а именно к постройке в монастыре обширного храма во имя иконы Казанской Божьей Матери, каковая благоговейно чтится в обители и окрестностях. В 1871 году, с согласия всех сестёр, матушка игуменья обратилась с прошением к архиепископу Платону о разрешении строить храм и, получив благословение, 23 июня 1875 года приступила к закладке его. Немало скорбей, трудов и бессонных ночей стоила матушке игумении постройка этого храма. Часто во время успешного хода дела вдруг являлось какое-нибудь препятствие, которое, казалось, должно было надолго остановить работу, но тут же являлась и неожиданная помощь, которая, как особенная милость Царицы Небесной, покровительствовавшей Своей избраннице, укрепляла бодрость её духа. Не раз бывало, когда матушка, истратив все последние деньги, с тоской и болью в сердце думала, чем придётся расплачиваться завтра с рабочими, вдруг на другой же день совсем неожиданно являлся какой-нибудь благодетель или с почтой получалось пожертвование на святое дело, в количестве именно той суммы, которая требовалась для расплаты.

Проект храма был составлен академиком Горностаевым, который, за отдалённостью монастыря от столицы, не мог сам руководить работами. За него руководила ими лично сама игуменья. Ничто не предпринималось без её указаний. Входя в самые мельчайшие подробности постройки, она посвятила все свои силы этому делу, не щадя ни своего здоровья, ни покоя. С самого раннего утра можно было видеть её, с палочкой в руке, на постройке, где она часто проводила почти весь день, отрываясь только по каким-нибудь другим, требующим её присутствия, монастырским делам.

С Божьей помощью постройка подвигалась вперёд. Уже к началу 1877 года каменные и кирпичные кладки стен были окончены и сведён главный свод купола. После чего были поставлены белые мраморные колонны в части притвора, пожертвованные неизвестным благодетелем через Петра Александровича Брянчанинова.

Ещё до начала постройки храма матушка познакомилась с духовной семьёй недавно почившего епископа Игнатия (Брянчанинова) — аскета и выдающегося проповедника. В конце 60-х годов появились в печати в первый раз собранные его аскетические проповеди и биография, составленная его учениками. Матушка игуменья, всегда интересовавшаяся духовной литературой, при чтении их была поражена не только высоким словом его проповедей, но, главное, тем, что учение его было поразительно схоже с учением схимницы Ардалионы. Узнавши, что родной брат его, Пётр Александрович, живёт в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии (место покоя и кончины покойного епископа) и что

настоятелем там архимандрит Иустин, ближайший его ученик, матушка Арсения, бывши в Москве, проехала туда, чтобы поклониться праху великого проповедника и познакомиться с его учениками. Как родная была встречена она архимандритом и Петром Александровичем, который потом стал одним из почитателей матушки и принимал постоянное деятельное участие в построении храма, помогая своими средствами, советами, и не раз, несмотря на свои преклонные годы, по просьбе её ездил даже в Петербург и Москву по делам постройки. Всесторонне образованный человек, понимавший глубоко духовную жизнь, Пётр Александрович также не мог не заметить в словах и духовных понятиях матушки Арсения много общего с дорогим для него словом покойного брата, и это обстоятельство, быть может, ещё больше сблизило его с матушкой Арсенией, которой он стал выказывать преданность, безграничное доверие и почтительную сыновнюю любовь. После его смерти остался целый том матушкиных писем к нему...

Почти 15 лет продолжался труд матушки Арсения над постройкой храма, прежде чем она могла увидеть его вполне оконченным и насладиться его красотой. ...

Да, невольно приходит на мысль: если с течением времени люди забудут имя матушки Арсения, то памятники, которые она оставила после себя, те «камни безгласные», будут стоять века, напоминая собою о ней!

«Храм, созданный на скудные монастырские средства трудами настоятельницы и инокинь, без сомнения составляет украшение всей Донской земли, — пишет Д. Н. Правдин в своём очерке Усть-Медведицкого монастыря. — И действительно, величественный храм этот приводит в восхищение всякого образованного человека и вызывает слёзы умиления у людей, простых сердцем. Редко можно встретить столько изящества, столько вкуса, столько простора и света, как в нём. Начиная с иконостаса, сияющего тонкой золочёной резьбой, с чудной живописью работы иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры о. Симеона, поддерживаемый шестью мраморными колоннами в части притвора, с дивным куполом, в котором изображена Святая Троица, окружённая Архангелами и Ангелами, и кончая самыми мельчайшими деталями, он весь воплощение красоты и изящества!

Под сводами его внизу, почти в земле, находится ещё один храм, с алтарём, освящённым во имя преподобного Арсения Великого. Он сооружён на средства сестры матушки игумении, монахини Марии. Здесь нет ни блеска, ни света, ни ярких красок, но своей своеобразной красотой, таинственным полумраком, он как-то особенно действует на душу, располагая к молитве и созерцанию. Молясь в нём, невольно переносишься мыслью к первым векам христианства, когда верные должны были совершать службу, возносить свои молитвы Господу в подземных катакомбах. Иконостас же напоминает другое время — время процветания монашества, пустынножительства. Рядом с местными иконами с одной стороны изображён первый пустыжник — Иоанн Креститель, с другой — Арсений Великий, и, наконец, Мария Египетская. Сколько примера живой веры, чудных подвигов, великого самоотречения! Этот храм теперь особенно дорог сёстрам монастыря: под сводами его покоится прах так горячо любимой ими, незабвенной для них, игумении Арсения и сестры её — монахини Марии. Сколько слёз, сколько вздохов, сколько молитв возносится теперь там, при слабом мерцании лампад над их могилами!

В части же притвора (или трапезной) взор невольно останавливается на тех изречениях об иночестве, которые написаны на каменных столбах, поддерживающих своды храма. Много можно передумать, перечувствовать, пережить душою, читая эти мудрые слова святых отцов. *Инок есть бездна смирения*, — читаешь на первом из них, и дальше: *Инок есть страж чувств — души безмолвие — молитвенник за мир — высота преподобия*. — «Преподобия, или уподобления Христу», — как объясняла матушка Арсения. Каждое изречение — это целый путь труда над собою для тех, кто решится стать на него. И в этом дивном, полном света и простора храме, возвышающемся над землёй своими главами и крестами, и в полумраке нижней церкви, и в этих глубокомысленных изречениях, начертанных на столбах, видна одна и та же мысль, одно и то же стремление, один и тот же молитвенный порыв к небу, к Престолу Царя царей, которыми была переполнена душа строительницы».²

Но главное, над чем работала покойная матушка Арсения, это над собой, стараясь жизнью своею подражать Христу, и приобрела такое глубокое смирение, что считала что считала себя грешнее всех людей, а на людей смотрела, как на своих близких родных: всем сострадала, всем помогала, никого не осуждала, хотя имела право судить, как начальница; а с ожесточёнными и грешными была ещё более смиренна, добра, кротка и своею кроткою любовью привлекала сердца их, и они становились лучше, чище и мало-помалу исправляли свою жизнь.¹

Желая внушить своей духовной дочери памятование о смерти, столь необходимое для монаха, матушка однажды сказала ей: «Монах должен иметь три помысла, говорят святые отцы: о смерти, о суде и о воздаянии. Я стала приобретать памятование смерти, когда стала игуменьей. Принявши дела и попечения об обители, я ужаснулась тому, что эти попечения поглотили мой ум. У меня не оставалось времени подумать о душе. И вот я стала памятованием о смерти заниматься в церкви. Я говорила себе: ну что если Господь вот сейчас, сию минуту, призовет меня, ведь останутся же эти мои дела, оставлю же я их. Входя в церковь, я говорила себе, что я умираю, чтобы не врывались в мой ум заботы и попечения, хотя они и законны по-земному... Над приобретением памяти о смерти нужно потрудиться, как вообще над каким бы то ни было приобретением,— ничто не приходит само. Памятование о смерти приведёт к помыслу о суде... Страшен час смерти, но всё же и после исхода из тела душа продолжает жить в мире, созданном для неё. Но это же будет с душою, когда весь этот мир, в котором она жила, с которым соединена неразрывными узами, весь этот вещественный мир уничтожится, сгорит, перестанет существовать? Уничтожиться, умереть вместе с ним она не может, но и к жизни другой, высшей, она не имеет в себе способности. Вот к каким помышлениям приводит память смертная. Нужно её приобрести. Поставь же себе за правило — час в сутки размышлять о смерти». ...

В другой раз, уча её снисходительно относиться к немощам ближних и покрывать их любовью, матушка говорила: «Ты образ и подобие Божие — значит, нужно очистить, просветить в себе этот образ, который потемнён страстями. Страсти живут в душе человеческой, и мы их не всегда видим в себе и понимаем. Вот и живёт человек как будто тихо и спокойно до времени, потом вдруг представляется какой-нибудь случай — и страсти сильно обнаруживаются. Вот тогда этот случай не нужно упускать — он послан Богом для того, чтобы человек познал свои страсти. Ты чувствуешь в настоящее время зависть и нелюбовь к ближним, увидела в своём сердце как бы нарыв какой. Как же теперь лечить его? Не нужно стараться заживлять его только сверху, потому что если сверху ранка затянется, то гной останется всё-таки там и может заразить всю кровь. Нужно разрезать, расковырять этот струп, выдавить из него всё, тогда заживлять. Нужно не бороться с помыслом, осуждающим ближнего, говоря себе: «Эта сестра вовсе не такая, это только мне так кажется; это искушение» и прочее. Нет, надо узнать её немощи ближе, не отвращать от них взора, приблизиться к ним, прочувствовать болезненно, сердцем всю тяжесть их, не видеть их чужими, потому что они — сестры, но общими человеческими, своими собственными, переболеть их, перестрадать и потом простить их всем своим братьям, потому что они искуплены, прощены Христом. Или так, это ещё понятней. Когда ты кого-нибудь страстно любишь, например своих родных, то как ты страдаешь их страданиями, несёшь вместе с ними их тяжести, бережёшь их от всякого зла в своём уме! Это да послужит тебе уроком, что так должна ты любить каждого ближнего. Конечно, это не вдруг, не в один день и не в один месяц, нужны годы для этого, нужно не оставлять труда и с помощью Божиею достигнуть желаемого. У нас так бывает: вчера враги, сегодня примирились — друзья, но нужно шире обхватывать духовным оком жизненные случаи, глубже понимать их. Все обстоятельства жизненные для того и посылаются Богом, чтобы человек учился в них, извлекал для себя из них духовные уроки. Они все пройдут, когда повернётся колесо жизни, но с чем останется душа?» ...

«... Вся жизнь твоя да будет стремлением к Господу. Во время всяких искушений, во время болезни — одним словом, в каком бы состоянии ни находилась твоя душа, направляй твои

мысли к Господу. Нужно пройти через все немощи естества и всегда стремиться к Господу. Ты ведь монах, а монашеский чин потому и называется ангельским, что монах, как ангел, должен стремиться к Единому».

Матушка говорила, и было видно, что она знает по опыту, что в неочищенном сердце не может вселиться Христос, какой бы способ кто ни употреблял. Утверждала необходимость борьбы, необходимость уничтожения ветхого человека и обновления нового. Делила она всю жизнь человека на три части. Первая — жизнь по страстям, когда человек живёт по всем хотениям плоти. Потом жизнь по заповедям, когда человек борется со страстями, старается поступить по заповедям, хотя это очень ему тяжело. Он то побеждает, то побеждается. Эта жизнь борьбы с миром, когда мир, то есть люди, восстанут на него, видя, что он есть что-то другое от них, не таков, как они. Переживши этот период, человек, говорила матушка, достигает состояния бесстрастия. Тогда он любит врагов, терпит поношения и прочее уже без боли в сердце, без труда, а естественно.²

Летом и в конце весны, когда Дон ещё находился в разливе, что придавало своеобразную красоту окрестностям монастыря, матушку игумению нередко навещали её родственницы Себряковы и Ладыгины. Чтобы доставить развлечение молодым девушкам (своим племянницам), она устраивала поездки на другой берег Дона, где в лесу находился монастырский хутор. Иногда, в более молодые годы, матушка любила сопровождать их и сама, при пении клиросными псалмов или других песен духовного содержания.²

Многие инокини в монастыре не понимали своей игумении. Им были чужды те духовные взгляды которые она высказывала, непонятна та любовь, которую она имела к ближним. Они считали слабостью, когда, глубоко жалея в сердце чем-нибудь провинившуюся сестру и видя в ней искреннее раскаяние и желание исправиться, она любовью покрывала её немощи. Когда же, ревнуя о каком-нибудь упущении монашеского правила или негодуя на дерзкий поступок послушниц, матушка игумения строго взыскивала или даже наказывала провинившихся, её опять осуждали, называли взыскательной и гордой...²

20 декабря 1882 года Господь послал матушке Арсении великую скорбь: умер горячо любимый ею её батюшка Михаил Васильевич Себряков, на 84-м году своей жизни, окружённый всеми детьми. Матушка за неделю до смерти приехала к нему и до самой кончины не отходила от его постели, служила ему днём, а ночи проводила с ним в молитве и беседе. Она благодарила Бога, что умирал он в памяти и полном сознании, что перед смертью его она могла насладиться его беседой, но горе разлуки с ним она глубоко переживала. «Хотя кончина его была самая мирная, но для меня она была так тяжела, точно я сама умирала», — говорила она своим по возвращении из Себрово. Но скорбь эта, переживаемая ею в душе, не мешала матушке продолжать свою обычную жизнь: она всё так же занималась делами по управлению монастыря, всё так же принимала посетителей, только ещё более усугубила свой молитвенный подвиг да чаще призывала к себе монахинь, предлагая им обильную трапезу на помин батюшки. Она велела даже рассыпать у себя на балконе зёрна и хлебные крошки для птиц, говоря: «Пусть и они поминают батюшку».²

Между тем постройка собора подходила к концу, и наконец наступил тот давно желанный день, когда матушка игумения увидела совсем оконченным своё великое святое дело. Летом 1885 года храм был вполне закончен и на 8 сентября назначено его освящение, которое совершил преосвященный Митрофан, нарочито приехавший для этого из Новочеркасска с дьяконами, певчими и прочей свитой. Всех же священнослужителей, участвовавших в богослужении, было более 50 человек, что, конечно, придавало особую торжественность службе.

Освящение собора надолго осталось в памяти не только в монастыре, но и между окрестными жителями. Богомольцы за неделю собрались к этому дню целыми толпами, а в самый день торжества народу было до 15 тысяч. Особенно торжественна и трогательна

была всенощная накануне освящения. Когда же многочисленный собор духовенства в белых облачениях с возжжёнными свечами громогласно запел величание Богородице, нельзя было не проникнуться чувством глубокого умиления и благодарности к Царице Небесной. За обедом, предложенным гостям после освящения в монастырской трапезе, много было прочитано поздравлений на имя матушки игумении, которую все величали как виновницу торжества, много было сказано речей, в которых восхваляли её за её труды и подвиги. С благодарностью и со смирением принимала она все эти вполне заслуженные ею похвалы. В чистом сердце её не было места для тщеславия. Она от души радовалась и благодарила Бога, что Он помог ей кончить дело, которому посвятила столько труда и сил. А дивный храм сиял какой-то особенной красотой, умиляя всех молящихся в нём.

Незадолго до освящения храма сильно заболела монахиня Аркадия, вследствие чего не могла быть в храме во время освящения его, о чём сильно скорбела, но Господь утешил болящую: в сонном видении видит она, что стоит в новоосвящённом храме и в удивлении смотрит, что все стены его покрыты как бы узкими золотыми полосками; она подходит к стене и видит, что это не полоски, а надписи — золотыми буквами написаны имена строителей, благотворителей, жертвователей и трудившихся при построении храма. Вскоре после сего видения она скончалась. Этот случай не показывает ли нам особую милость Царицы Небесной ко всем прославляющим Её Святое Имя?

15 сентября того же года был освящён и придел в новом храме в честь апостолов Петра и Павла. На этот раз торжество имело более семейный характер. Освящал придел архимандрит Иустин, прибывший из Николо-Бабаевского монастыря с П. А. Брянчаниновым и своими послушниками. Гармонический, необыкновенно приятный голос отца архимандрита, редкое умение владеть им, а также хорошие голоса его послушников умилили присутствовавших в храме. После литургии все гости были приглашены в покои настоятельницы, где монахинями была поднесена ей икона Казанской Божией Матери в богатой ризе, приобретённая на наличные средства сестёр. Затем гостям была предложена трапеза, длившаяся долго, так как многие говорили речи, провозглашали тосты. У всех присутствовавших замечалась особенная теплота чувств, которые каждый по-своему спешил выразить матушке игумении. Между прочими, монахиней Святославой было прочитано стихотворение, посвящённое матушке, а учитель Усть-Медведицкой гимназии Д. Н. Правдин, сделав в начале своей обширной речи краткий исторический очерк монастыря, коснулся потом светлой личности матушки Арсении и в живых, ярких чертах изобразил её духовную жизнь, её благотворительную деятельность, распространённую далеко за стенами монастыря. «Есть и другой храм, — говорил он, — мыслю о котором прилично закончить наше слово, храм ещё более величественный, более прекрасный, более ценный перед очами Того, Кому возвышают эти видимые храмы. Мы говорим о храме души человеческой, над созиданием, устройством и украшением которого уже много лет трудится высокочтимая строительница сего храма. Мы не говорим уже о том, что духом её живут инокини, что этот дух витает в обители, укрепляет, направляет и возвышает их в подвигах и трудах иноческого делания, но сколько других лиц обязаны направлением своей жизни, своим душевным просветлением и умиротворением её мудрому совету, её слову, всегда глубоко западающему в сердце слушателя, всегда основанному на Евангелии и отеческих писаниях. Сколько людей, обуреваемых сомнениями, истомлённых внутреннею борьбою, измученных противоречиями, нередко колеблющихся в самых святынях верованиях, иногда с разбитым сердцем, сколько несчастных приходило в её келию и выходило из неё утешенными, умиротворёнными, успокоенными, с обновлённой душою, с просветлённым душевным взглядом, с любовью к жизни и с верою в добро, в истину, с верою в Бога, по крайней мере с сознанием необходимости её и с твёрдым намерением приобрести её. Со всеми почитающими высокопреподобную игумению, как присутствующими здесь, так и находящимися вдали, я позволю себе высказать пожелание: да продлится жизнь и деятельность, столь необходимая, столь благотворная, столь богатая плодами духовной опытности, да продлится она во славу Бога, Которого она возлюбила *паче красных мира сего*,

во благо обители и окружающего общества, во благо и просвещение многочисленных почитателей её на берегах тихого Дона на многая, многая лета!»

Окончив постройку храма, матушка игумения приступила к внешнему благоустройству обители. На место малых, тесных и к тому же ветхих келий она выстроила просторные, двухэтажные, крытые железом корпуса и обновила трапезу. Выстроила она и прекрасные дома священнослужителей, а затем обновила и некоторые экономические постройки, пришедшие в ветхость, но этим не ограничилась её деятельность. За последние 15 лет своей жизни ею было устроено монастырское подворье в станице Урюпинской, с церковью во имя Приснодевы, в память спасения Царской семьи 17 октября 1888 года. Обновлён и богато украшен монастырский тёплый храм с вновь сооружённым иконостасом из белого мрамора изящной работы, и основан скит в имени сестры её Аграфены Михайловны Мержановой. Похоронив мужа, Аграфена Михайловна не пожелала остаться в миру и просила у сестры-игумении благословения жить возле монастыря, на что, конечно, та с любовью согласилась. За оградой монастыря Аграфена Михайловна выстроила на свои средства большой двухэтажный дом, в котором жила 20 лет, пользуясь всеобщей любовью за свой приветливый характер и безмерную доброту. Впоследствии она приняла монашество с именем Марии и скончалась 19 января 1905 года, за полгода до смерти матушки игумении, на её руках. Усадьбу свою с землёю Аграфена Михайловна пожертвовала монастырю, где, по общему желанию обеих сестёр, был основан скит и выстроена домовая церковь во имя святой Марии Египетской и святой равноапостольной Марии Магдалины. Красивая уединённая местность усадьбы, расположенной на берегу реки Медведицы (приток Дона), старинный барский дом, окружённый террасой и большими деревьями, чрезвычайно нравились матушке игумении. Она любила летом бывать там, наслаждаться воздухом, тишиною и не раз в последние годы своей жизни говорила, что желала бы оставить настоятельскую должность, принять схиму и жить в затворе в скиту. К сожалению, вскоре после кончины её скит был упразднён и дом вместе с церковью продан Анне Васильевне Чарныш. Дочь покойного брата игумении Арсени, Василия Михайловича, Анна Васильевна, глубоко почитая память матушки Арсени, не пожелала, чтобы такая дорогая память о ней, как скитская церковь, была продана в чужие руки, как предполагала сделать это преемница матушки Арсени: она упростила игумению Леониду уступить ей дом с церковью за 5000 рублей. Анне Васильевне давно уже хотелось выстроить в своём родовом имении церковь над могилами родителей. Господь благословил её благочестивое желание, и 17 августа 1910 года была освящена небольшая, красивой архитектуры, церковь. Впервые раздался в этот радостный день церковный благовест над дорогими, родными для неё могилами...²

Окончив собор, игумения Арсения принялась за внешнее благоустройство монастыря, именно: на место маленьких, тесных домиков, покосившихся и с худыми крышами, выстроила хорошие двухэтажные корпуса на три или на четыре келии каждый, и на конце дней своих заново отделала старый Преображенский храм, пристроив к нему новый тёплый придел в честь Владимирской иконы Божией Матери и преподобного Серафима, Саровского чудотворца. ...

Последние годы своей жизни матушка совсем не обращала внимания на всё усиливающиеся недуги, всё усиливающуюся слабость, но везде была сама. Церковь строится,— она там; иконы пишут живописцы, расписывают внутри храм,— и там она; привезли мрамор для иконостаса,— и тут матушка первая. И так целые дни. Придёт домой, в свою келию, тут уже её ожидают сёстры с делами: которые с обительскими послушаниями, которые со своими келейными делами, а кто и сердечными недугами,— и матушка всех примет, всех обласкает, с каждой поговорит, вникнет в её дело, всё решит хорошо и мудро. В особенности подолгу приходилось беседовать матушке с сёстрами, пришедшими просить её помощи в борьбе с грехом, с помыслами, сердечными глубокими немощами. И матушка умела опытной рукой врачевать недугующих душою сестёр, и сёстры возвращались от неё обновлёнными, полными надежды на спасение, на милосердие Божие с залогом исправления своей жизни, своих душ.

И когда матушке говорили, чтобы она поберегла своё здоровье, что она слаба, чтобы она не везде была сама, то матушка всегда возражала: «Нельзя, это моё послушание, врученное мне Господом. Вот когда упаду на послушании, тогда уже можно будет сказать, что я исполнила его; а пока ещё ноги служат, хотя и шатаюсь иногда, но должна я быть везде сама». ...

Душа матушкина томилась этой суетой и стремилась к уединению, к затвору. Давно и много архипастырей Донских просила она отпустить её на покой и постричь в схиму, но всякий раз получала отказ, так как архипастыри находили её управление образцовым и желали, чтобы она управляла своею обителью до конца жизни.¹

Зиму 1904–1905 года она проболела почти всю. К тому же печальные события этого года не могли не отразиться на её здоровье. Патриотка душою, она далеко не равнодушно переживала неудачи и потери родины. С каким нетерпением ожидала она известия о военных действиях нашей армии, как воодушевлялась она, читая подвиги наших героев, и сильно скорбела об утратах и потерях. А взятие Порт-Артура глубоко поразило её. «Порт-Артур взят,— с сокрушением и со слезами на глазах говорила она собравшимся у неё сёстрам в день Рождества Христова. — Вот какой нерадостный для нас сегодня праздник». Даже за несколько дней до смерти жаловалась она доктору, лечившему её, как тяжело переживала она это скорбное событие. «Я чувствую, что эта потеря отняла у меня несколько лет жизни»,— говорила она.

Весною 1904 года умер горячо любимый ею брат Василий Михайлович, после непродолжительной болезни. Глубоко потрясла матушку Арсению эта кончина: обильно плакала она, собираясь на его похороны, и, отдав ему последний долг, измученная, больная вернулась домой. И хотя, отдохнув, опять принялась за монастырские дела, опять по видимому стала жить для других, но от близко стоящих к ней учениц, от домашних не могла укрыться перемена, происшедшая с нею. Она точно жила через силу. ... Только сильная вера и любовь к Богу поддерживали её дух. ...

Вероятно, она стала предчувствовать свою близкую кончину, потому что не раз заводила речь о смерти. «Надо привыкать к мысли, что меня не будет с вами,— говорила она одной молодой, преданной ей послушнице,— и учиться жить без матушки». Часто вспоминала она покойную схимницу Ардалиону, её предсмертные беседы и говорила, вспоминая, что схимница умерла без неё: «Да, монаху хорошо умирать одному, я желала бы, чтобы никто не присутствовал при моей смерти». Что действительно и случилось. Много и другим говорила она, точно приготавливая всех к своей кончине. «Не будет меня, вспомните все мои слова»,— сказала она однажды. ...

В феврале месяце [1905 года] матушку Арсению постигла новая скорбь. Скончалась её невестка Анастасия Михайловна Себрякова, вдова её любимого брата, проболевшая лишь несколько часов. Эта внезапная смерть особенно почему-то поразила матушку, и она не раз говорила окружающим: «Теперь уже настала моя очередь умирать; мне кажется, что смерть точно преследует меня, точно витает надо мной, и я чувствую её дыхание».²

За своё с лишком сорокалетнее управление Усть-Медведицким монастырём матушка игуменья Арсения неоднократно получала благословение Святейшего Синода, имела наперсный крест и крест с драгоценными украшениями, пожалованный ей из Кабинета Его Величества Государя Императора, знак Красного Креста за войну 1877–1878 годов, медаль в память царствования Императора Александра III и в 1905 году была награждена Библией, выданной из Синода, за монастырское училище. Библия эта была получена в монастыре уже по кончине матушки. Кроме того, она имела наперсный крест с драгоценными украшениями, поднесённый ей сёстрами обители с разрешения высшего начальства в день тридцатипятилетнего юбилея управления монастырём.^{1,2}

Будучи во всей своей жизни подвижницей, игуменья Арсения приобретала только духовные сокровища, нимало не заботясь о каких-либо приобретениях земных, и после смерти её

не осталось никаких средств, никаких дорогих вещей, никакой дорогой одежды, кроме образов и книг, так что и хоронили игуменю Арсению частью на монастырский счёт, а частью на добровольные пожертвования как проживающей при монастыре Анны Павловны Коньковой, так и духовных её детей.

Игуменья Арсения стремилась всей душой поклониться мощам преподобного Серафима, Саровского чудотворца, и даже дала обещание непременно побывать в Сарове, как только позволят ей здоровье и силы, так как зимой она была очень больна, куда и поехала 24 июня 1905 года. Поехала игуменья Арсения, по обыкновению, с одной только келейной монахиней Агнией. ... Возвратиться в монастырь она должна была через месяц, в Старосельский Марьинский скит, к 19 июля, ко дню полугодовой кончины родной своей сестры монахини Марии Мержановой...¹

25 июня 1905 года сёстры Усть-Медведицкого монастыря проводили в Саров свою любимую настоятельницу. Матушка игуменья, несмотря на нездоровье и сильную слабость, пожелала непременно исполнить своё обещание побывать в Сарове и поклониться мощам дивного старца Серафима, к которому имела тёплую веру. Она любила иногда побывать в святых местах, где находила отдых от своих многочисленных забот. Частые ревматические боли, иногда продолжавшиеся у неё по месяцам, также принуждали её заняться лечением, так что она два года ездила в Крым и в Одессу на морские купания. Но никогда не провожали её сёстры с таким тяжёлым чувством, как теперь, видя её такую слабую, изнеможённую. Сама она также точно [бы] жалела расставаться с ними. Особенно ласково, приветливо обошлась она с монахинями, пришедшими провожать её, может быть предчувствуя, что видит их в последний раз. Накануне отъезда она пожелала отслужить панихиду на могиле своей духовной наставницы схимонахини Ардалионы, во время которой горячо, со слезами, молилась, а по окончании службы подозвала к себе ризничью, монахиню Веронику, и показала ей место, где желала бы, чтобы её похоронили, приказав сказать об этом казначее монастыря после своего отъезда.

Видя матушку такой слабой, многие высказывали своё желание сопровождать её, но она пожелала взять с собою лишь одну преданную келейную Агнию, жившую с ней более 40 лет. «Я еду с радостным чувством,— говорила она некоторым,— так хочется мне побывать в Сарове, поклониться мощам преподобного».

В Москве матушка игуменья заболела и принуждена была пробыть недели две у своей родственницы Софии Александровны Ладыгиной, так что в Саров она прибыла только 12 июля.

Трогательными словами описывает она свои первые впечатления о Сарове в письме к казначее Леониде, полученном в монастыре на третий день по её кончине. «Приехала я сюда такая радостная, довольная,— писала она.— В первый же день по приезде, после поздней обедни, служила преподобному Серафиму молебен с акафистом, поминала о здравии всех вас, сестёр обители, и наших духовных отцов. Потом, напившись чаю, поехала в обе пустыньки батюшки отца Серафима. Самый путь туда лесом я проехала с восторгом, а дальняя пустынь меня привела в умиление и много мне доставила утешения духовного; точно отец Серафим живёт ещё там, следы его подвигов и теперь живы и говорят об нём так ясно, точно видишь его. Келия его с внутренним, тайным ходом в тесную пещеру, где он укрывался от людей, когда безмолвствовал 13 лет; место, где он кормил медведя; место, где он молился на камне 1000 дней; место, где был почти до смерти бит разбойниками,— всё это говорит об его трудах, о его невыразимых подвигах. И я, недостойная, ходила с духовным восторгом по этим местам, собирая в лесу сосновые шишки, и мне чувствовалось, что сам он, живой, присутствует там. Потом, в ближней пустыне, я купалась в источнике. И так я была счастлива и довольна! После вечерни я заболела. Два раза я переносила эту болезнь за дорогу, но здесь с меньшими удобствами, чем в Москве. Если поправлюсь, думаю никуда не заезжать, даже в Дивеев. За один день здесь я столько получила духовной отрады, что благодарю Господа за Его милость. Думаю прямо ехать домой, где и болеть не страшно и умереть желаю».²

16 июля казначея монахиня Леонида собралась посылать лошадей на станцию Себряково за матушкой игуменией, как вдруг получает телеграмму из Сарова такого содержания: «Я заболела, могу выехать не ранее двадцатого. Игуменья Арсения».¹

По приезде в Саров, рассказывала Агния, матушка игумения пожелала пользоваться кушанием из монастырской трапезы. Пицца оказалась грубой и тяжёлой, в особенности на больной желудок. На другой же день она опять заболела желудком и так сильно ослабела, что дня четыре пролежала почти без движения. Пришлось обратиться к доктору, который несколько облегчил болезнь, так что 19 июля, в день празднования открытия мощей преподобного Серафима, матушка, хотя и через силу, но могла быть в церкви. ... Агния, видя её бодро стоящей, далека была от мысли, что матушка доживает последние дни. Только в этот день вечером она встревожила её, сделав ей следующий вопрос: «Агния, а в случае, если я умру, куда ты денешься?» — «Я вас не оставлю тут», — невольно как-то вырвалось у неё в ответе. «В таком случае надо сейчас металлический гроб заказывать», — сказала матушка. Вспоминая после эти слова, Агния разочла, что если бы тогда же был выписан гроб, то он как раз получился бы ко дню кончины матушки.

На другой день, чувствуя, что силы у неё не возобновляются, матушка решила остаться ещё в Сарове и начала готовиться к говению, предполагая приобщиться Святых Таин 21 июля. В монастырь она послала депешу, что по болезни не может вернуться к 22-му, как хотела. Несмотря на слабость, она стала посещать ежедневно церковь, и Господь помогал ей с великим подвигом, как сама она сказала, выстаивать службы, чему немало удивлялась Агния. Последние дни, по словам её, матушка проводила почти все в молитве. ...

20-го, возвращаясь из церкви, матушка встретила рясофорную монахиню своего монастыря Лию, приехавшую в Саров на поклонение. Обрадовавшись ей, матушка Арсения велела переходить ей к ним в номер. Лия не ожидала видеть матушку игумению такой слабой, больной и с радостью осталась около неё, желая чем-нибудь послужить ей. Утром 21-го, готовясь приобщиться, матушка Арсения сказала своим послушницам: «Так как вы одни тут со мною из всех сестёр обители, то я прощаюсь в лице вашем со всеми сёстрами». Затем, чувствуя, вероятно, особенную слабость, обратясь к Агнии, прибавила: «Может быть, в церкви со мною сделается дурно, будет обморок, но ты не пугайся». Так до последней минуты заботилась она о покое других. ...

К вечеру и всю ночь она не могла уже идти. Слабая до крайности, она под вечер стала чувствовать какую-то тоску, вспоминала свою обитель, близких сестёр и говорила, что душа её тоскует, что хотя смерть не страшит её, но что она желала бы умереть в родной обители. Желая подышать свежим воздухом, она села возле открытого окна. Уже темнело. Вдруг у неё вырвался какой-то необыкновенный, протяжный вздох, сильно встревоживший Агнию. Заметив перемену в лице матушки, Агния стала настойчиво просить позволения позвать доктора, на что матушка с неохотою, но всё же согласилась. Доктор успокоил Агнию, сказав, что не находит ничего опасного, посоветовал поставить горчичник на грудь и прописал лекарство. По его уходе Агния хотела помочь матушке лечь, но вдруг она сама быстро легла на спину. Глаза её стали большие, блестящие и радостные. Видно было, что она созерцает что-то для неё необыкновенно радостное. Медленно, молча, вздохнула ещё раза два, и лицо её делалось всё светлее и радостнее. Потом ещё один последний вздох, и душа её мирно отлетела к Господу, без стонов, без мучений, а глаза остались открытыми, точно продолжала она видеть ими. Агния сама уже закрыла их, удивляясь такой мирной, безболезненной кончине.

Был одиннадцатый час ночи. Глубоко потрясённая и растерявшаяся, Агния не могла сама убирать тело почившей. Одевала её Лия с помощью дивеевских монахинь, которых матушка видела утром в церкви.²

... 22 июля, в третьем часу дня, казначея монастыря монахиня Леонида, личный и многолетний друг игумении Арсения, получила из Сарова телеграмму следующего содержания: «Матушка игумения скончалась двадцать первого ночью. Хлопочите скорее через вашего

владыку получить разрешение Тамбовского губернатора и архиерея перевезти тело домой. Я остаюсь. Жду ответа. Агния». Первую минуту не верилось этой телеграмме,— так она была неожиданна!

Духовник игумении Арсении отец протоиерей Феодор Прокопьев, по просьбе сестёр, поехал в Саров за телом.¹

Уважаемая всеми при жизни, известная даже высокопоставленным лицам, так горячо любимая в своей родной обители, матушка игумения Арсения умерла одинокой странницей, и чужие люди убрали её тело. Даже монашеской мантии не было с нею, и настоятель Саровской пустыни прислал свою, кожаный пояс дала Лия, а параман* для покрытия лица почившей, по уставу монашескому, привезли из Дивеева. Услышали о кончине матушки Арсении и самарские монахини и тотчас же поспешили прийти, предлагая читать Псалтирь у её тела, помня, как обласкала их матушка. На другой день прах почившей положили в гроб, покрыли мухояром и перенесли, при пении самарскими монахинями *Святый Боже*, в кладбищенскую церковь, где она и находилась до отпевания. К сожалению, в церкви не позволили читать Псалтирь, её читали в номере. 26-го был привезён из Москвы матушкиной родственницей Ладыгиной металлический гроб, в который и опустили деревянный гроб с прахом матушки Арсении после панихиды, совершённой четырьмя иеромонахами.²

23 июля с почты были получены собственноручные письма от самой матушки игумении Арсении: одно от 12 июля, а другое от 16-го, в которых она описывает, какое впечатление произвела на неё Саровская обитель.¹

Что она свою кончину знала ранее отъезда из монастыря, можно заключить из следующего: в день отъезда игумения пожелала отслужить панихиду над могилами её сестры, монахини Марии, и духовной матери, схимонахини Ардалионы. Панихиду совершал духовник, протоиерей Феодор Прокопьев. Прощаясь с ним, игумения попросила его перекрестить её, благословляя в путь; а отец Феодор, со своей стороны, пожелал, чтобы она перекрестила и его. Такого прощания ранее никогда не было. В день отъезда игумения сама показала ризницей, монахине Веронике, и экономке, монахине Геннадии, место, на каком должны её похоронить, приказав монахине Веронике показать его казначее, монахине Леониде, как только уедет из монастыря, что монахиня Вероника и исполнила в точности. Впрочем, ещё ранее это место сама матушка указала казначее. 23 июня, на храмовый праздник в честь Владимирской иконы Божией Матери, несмотря на усталость, матушка написала духовное завещание и, как дополнение к нему, список, кому из келейных и духовных дочерей дать какую из её вещей на память. В её письменном столе найдена записочка, писанная карандашом, следующего содержания: «Дорогая Леонида. Прошу Вас похоронить меня хорошенько». Келейная покойной монахиня Митрофания видела, как матушка писала эту записочку стоя, в то время, когда уже были поданы лошади, и потом спрятала её в стол. ...

31 июля тело почившей было встречено обителью торжественно. ...

Наконец наступило второе августа — день, назначенный для погребения игумении Арсении. ... Протоиерей Феодор Прокопьев прочёл от лица самой матушки игумении, как от живой, её духовное завещание:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Благословен Господь Бог, призвавший меня от юности в монашескую жизнь, всегда простиравший руку Свою крепкую, изводящую меня от всех преткновений на пути, спасавший от всех бед и смущений. Да будет имя Его благословенно вовеки!

* Или параманд, плат, носимый монахами на персях, с изображением восьмиконечного креста и пр.

Приближаясь к концу жизни моей, обременённая годами и болезнями, к вам обращаюсь, сёстры мои о Христе.

1). Благодарю вас всех за любовь вашу, непрестанно мне являемую, как при моём поступлении в монастырь, так и при избрании меня в настоятельницу, тогда самую младшую из всех сестёр обители, и до сих пор от всех вас показанную мне делами послушания, полного доверия во всём и преданности. Прошу вас и теперь, по кончине жизни моей, окажите мне святую любовь вашу, молитесь о душе моей Господу Богу, да простит мне согрешения мои, и вас прошу простить меня, кого чем обидела, огорчила по недоумению моему.

2). Всё, что получила я от моего родителя деньгами и вещами, я всё передала в разное время обители. Наследники мои не должны ничего требовать от монастыря после моей смерти.

3). Если останутся по смерти моей небольшие деньги, то прошу мать казначею и мою келейную мать Митрофанию распорядиться ими при погребении моём и поминовении.

4). Иконы мои и книги прошу раздать моим келейным и духовным дочерям и некоторым моим родственникам.

5). Если казначея, монахиня Леонида, переживёт меня, советую сёстрам избрать её в настоятельницы, как опытную по делам правления монастырём.

6). Желание моё при жизни и по смерти моя всегдашняя молитва к Господу и Его Пречистой Матери, да хранят все сёстры мои о Господе уставы монашеского жития, молитвенные правила, полное подчинение настоятельнице и да будет им Господь путеводитель во спасении.

7). Прошу священнослужителей обители молиться обо мне, поминать меня пред святым престолом.

Завещание это составлено мною и собственноручно подписано 23 июня 1905 года. Настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря игуменья Арсения».

... Землю на гроб посыпал о. Феодор, частью привезённую из Сарова, а частью из Задонска от святителя Тихона. Склеп над матушкиным гробом огородили решёткой и внутри решётки поставили аналой с иконой Казанской Божией Матери, поднесённой покойной матушке сёстрами обители, перед которой постоянно теплится лампада.¹

Из записок матушки Арсении²

Смирение есть единственное состояние духа, чрез которое входят в человека все духовные дарования. Оно есть дверь, которая отворяет сердце и делает его способным к духовным ощущениям. Смирение доставляет сердцу невозмутимый покой, уму — мир, помыслам — немечтательность. Смирение есть сила, объемлющая сердце, отчуждающая его от всего земного, дающая ему понятие о том ощущении вечной жизни, которое не может взойти на сердце плотского человека. Смирение даёт уму его первоначальную чистоту. Он ясно начинает видеть различие добра и зла во всём, а в себе всякому своему состоянию и движению душевному знает имя, как первозданный Адам нарекал имена животным по тем свойствам, которые усматривал у них. Смирением полагается печать безмолвия на всё, что есть в человеке человеческого, и дух человека в этом безмолвии, предстоя Господу в молитве, внемлет Его вещаниям... До ощущения сердцем смирения не может быть чистой, духовной молитвы.

Непрестанной памяти Божией препятствует рассеянность наших помыслов, увлекающих наш ум в суетные попечения. Только когда вся жизнь наша всецело направлена к Богу, человек делается способным и начинает верою во всё видеть Бога — как во всех важных случающихся обстоятельствах жизни, так и в самомалейших — и во всё покоряться Его воле, без чего не может быть памяти Божией, не может быть чистой молитвы и непрестанной. Ещё более вредят памяти Божией, а потому и молитве, чувства и страсти. Поэтому надо строго и постоянно внимать сердцу и его увлечениям, твёрдо сопротивляясь им, ибо увлечения уводят душу в непроницаемую тьму. Всякая страсть есть страдание души, её болезнь, и требует немедленного врачевания. Самое уныние и другого рода охлаждения сердца к деятельности духовной — суть болезни. Подобно как человек, который был болен горячкой, по миновании болезни ещё долго остаётся слабым, вялым, неспособным к делу, так и душа, больная страстию, делается равнодушна, слаба, немощна, бесчувственна, неспособна к деятельности духовной. Это страсти душевные. На них вооружаться и бороться с ними, их побеждать — есть главный труд. Необходимо усердно трудиться в этой борьбе с душевными страстями. Молитва обнаруживает нам страсти, которые живут в нашем сердце. Какая страсть препятствует нашей молитве, с тою и должны мы бороться неотложно, и сама молитва поможет в этой борьбе и молитвою же искореняется страсть.

... Чтобы не угас светильник, надо постоянно подливать елей, а елей есть — постоянная молитва, без которой не может светить светильник.

Ко всякому чувству враг примешивает свою отраву. Так, к сокрушению о греховности он примешивает отчаяние и безнадежие, и унывает душа и расслабляется; к отречению — жестокосердие, холодность, бесчувствие; к любви — сладострастие; к утешению милостями, даруемыми Господом, — тщеславие, и прочее. Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве Именем Господа Иисуса Христа, произносимой с верою от сокрушённого сердца, этот яд отделяется; от света Христова разгоняется тьма из сердца, видна становится сопротивная сила; от силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остаётся естественное состояние, не всегда сильное, не всегда чистое от плотской скверны, но безмятежное и способное подклониться под действующую руку Божию.

Пока мы ходим по плоти, мы видим ближнего... как должника нашего; мы требуем от него и правды законной, и святости благодатной как общего достояния человечества. Мы судим его и ненавидим, гоним и мучим, когда он не отдаёт нам долг наш. Но когда мы водимся Духом, когда Дух Божий изливает в наш дух всё богатство Своей благодати, тогда от ближнего мы ничего не ищем, мы прощаем ему долг его пред нами, даже перестаём видеть в нём своего должника.

Немощь человеческая выражается главным образом в изменчивости, которой постоянно подвержено естество человеческое. После разумений духовных ум способен воспринимать помыслы нечистые и скотские. От ощущений святых чувство переходит к ощущениям плотским, низким. От мира, радости, ревности по добродетели переходит душа к смущению, печали, унынию. Это свойство изменчивости присуще естеству человеческому и особенно познаётся теми, которые все силы души своей устремляли к тому, чтоб, работая в дому Божиим, пред лицом Его, держать ум свой в непрестанном поучении Имени Его, сердце своё — на стезях заповедей Его, душу свою — у подножия Креста Его. Опытным познавши изменчивость естества, они этим познанием пришли к глубокому смирению, которое не допускает их пасть ни гордостью во дни мира, ни унынием и отчаянием во дни смущения; пришли к страху, охраняющему делание и во время мира ожидающему брани.

Способность к изменчивости особенно сильно действует тогда, если в душе много естества-огня, то есть страстности. Святой Игнатий Богоносец говорил: «Нет во мне огня любви вещественного, но есть во мне вода, текущая и вопиющая во мне: иди к Отцу». Эта текущая вода погашает огонь — она есть Дух Святой.

Никакая добродетель человеческая не может погасить этого огня, не может убавить его силы. Но добродетели, правильно совершаемые, приносят плод; вкушение духовного плода знакомит внутреннее чувство с ощущениями живыми, чистыми, сладостными, по вкушении которых ослабевают желание ко вкушению ощущений плотских, нечистых, страстных. Например, добродетель молчания, разумно проходимая, отсекающая всякое слово, всякий помысл и всякое дело ненужное, приносит плод: тишину помыслов, мир душевный. Когда душа вкусит этого плода, то она хранит молчание или, утративши его, возвращается к нему стремительно не потому, что молчание есть заповедь монашеского жительства, но за сладость плода, который она имела от молчания. И так самый тот плод, полученный от делания добродетелей, хранит жительство.

Когда же придёт совершенное, тогда то, *еже от части*, упразднится. Орудия добродетелей становятся ненужными, когда нива приносит плод обильный. Но для тех, в ком ещё живо вещество огня, очень важно и необходимо хранить себя на стезях заповедей Божиих, по слову Его проходить путь добродетелей и, получивши вкус духовного плода, не медлить в уклонениях, бывающих от изменчивости нашего естества, не разнеживать вкуса своего ощущениями чувственными. ...

Читала Лествичника «О гордости» и остановилась на словах: «Наказание гордому — падение его». Это наказание Господь премудро употребляет и как врачество гордости. Но все действия Промысла Божия и попущений Его наказательных служат только тогда в пользу человеку, когда он стремится к достижению наземных целей. Если он поставил целью своей жизни единое спасение — Единого Бога, то всё случающееся с ним послужит к его преуспеянию. При лишении всех благ земных, при нанесении и принятии удара всем чувствам своим, при перенесении бесчестия и прочее, там, где сокрушилась бы душа самая сильная, но поставившая целью своих исканий какое-нибудь земное благо, там душа боголюбивая получает крепость, мудрость, свободу, и если чего лишается в этих прилучающихся скорбях, то лишается единственно той связи со страстями, в которых была заключена и с которыми не могла сама о себе разорвать связь одним своим произволением, а только разрушилась она действием Божиим, по причине страстей. Великое благо не быть порабощённым ничему земному хоть произволением души; тогда всякое действие Божие, направленное ко спасению, правильно действует, убивая только страсть, но не душу, а в противном случае вместе со страстью убивается и душа. Душа, отрёкшаяся страстей, получает ощущение добродетелей. Отрёкшись сластолюбия, она познаёт опытно смирение, и так далее. Отрёкшись своих хотений, своей грехолюбивой воли, своих разумений, она вводится в познание воли Божией. В деятельном исполнении воли Божией, которая является ей в спасительной пользе ближнего, она просвещается Божественными откровениями и, просвещённая ими, входит не только в чистоту, но и в бесстрастие.

Молчание очищает ум от помыслов. Познание своей греховности, своего неразумия, своего бессилия, своей недостаточности во всём приводит душу к вере разума. Отвержение своих хотений во всём приводит к деятельной вере, выражающейся в великой простоте и смирении. Первое приводит к чистоте ума, а второе — к чистоте сердца.

Из писем к Петру Александровичу Брянчанинову²

2 ноября 1870 года

Вполне верую, что воля Божия открывается в обстоятельствах, окружающих нас, и вижу, что настоящие обстоятельства таковы, что нужно убегать в горы, но при всём этом вижу, что для меня указание неполно — в обстоятельствах, меня окружающих... Для меня вожделенна жизнь, вполне отрешённая от всего земного, и потому-то моя душа стремится к ней иногда довольно порывисто, я и боюсь увлечься порывом чувства, чтоб не взять прежде времени того, что может быть хорошо только во время свое... На днях я получила от А. В. пятый том. Как хорошо вы сделали, что приложили хоть к этому тому портрет владыки — епископа Игнатия! Господь вразумил вас. И как хорош этот портрет! В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо владыки действует на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя как-то сосредоточенней, когда созерцаешь это изображение, собираешь все помыслы свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души.

7 ноября 1870 года

Жесток путь спасения, жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нём,— это меч обоюдоострый, и режет он наши страсти, нашу чувственность, а вместе с нею делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце? Нет, для него всегда будет дело, нет конца духовному очищению, и во всяком сердце найдётся та частица нечистоты, которую нужно очищать. Я признаю в себе явным признаком нерадения, когда перестаёт болеть и бороться моё сердце,— это признак сильного помрачения. Когда же разгоняется этот мрак словом Божиим, то сердце болит, а без болезни просвещение души невозможно — это будет мечтательность.

13 февраля 1871 года

Господь посылает нам на земле скорби, и эти скорби нас отрывают от земли или, лучше сказать, от излишних пристрастий ко всему земному. Значит, и скорби — дар Божий. Отчего же не принимаем их с такою же благодарностью, как и радости? Не от греховности ли сердца нашего, неспособного отрешаться от всего и искать одной воли Божией?

... Если б в молитве нашей было меньше чувственности, то всё пополнило бы её, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности тёмные келии, как моя, что в саду, которую я называю своею «немощию», и молчание безмолвия. Но всё это временные пособия, мне же ничто так не помогает, как самая жизнь. Хотя и поставлено целью жизни отречение, путь к которой — самоотверженное исполнение заповедей Божиих, но закон греховный направляет всякое действие к своей цели, и в этой борьбе сильно бедствует душа. Господь, врачующий немощь чувств горькими обстоятельствами жизни, по мере отречения сообщает душе невидимую силу и познание Его Промысла. Там я учусь познанию немощи своей и познанию Господа, там отрешает Господь душу мою от дебелости и сообщает ей духовные разумения, так что и молитве я учусь самую жизнь. Думаю, что для молитвы нужна чистота души, а она приобретается самоотверженною деятельностью по заповедям Божиим.

20 февраля 1871 года

Боль в левом боку усилилась до крайности. Трое суток я очень страдала... Вчера же мне было очень легко, и мне пришло желание списать для себя некоторые постовые стихиры, которые я люблю напевать иногда в часы уныния... Принесли Постную триодь, и я, не вставая с постели, списала несколько стихир любимых. Когда окончила я своё писание, тут только заметила, что начинаются они плачем Адама, а оканчиваются плачем блудницы — но какое различие между первым и вторым плачем! Это совершенно два различные состояния души человеческой, и хотя последний происходит из первого, есть его плод, его совершенство, но между ними находится целый путь трудов, борьбы, подвига, не всегда сильного, не всегда побеждающего. В первом мне слышится одно сознание греха — первая ступень покаяния, и потому такой страх слышится в этом покаянном вопле, соединённом с лёгким отчаянием. Во втором же плаче слышится возненавидение греха, любовь и дерзновение. Это последнее состояние возможно только тогда, когда душа не только слухом услышит, но увидит Господа Иисуса, спасающего её, приступит к Нему, пришедшему спасти её, умершую, убитую грехом.

20 марта 1871 года

Вам показалось новостью различие, поставленное мною между плачем Адама и блудницы. Меня это удивляет. Вам, конечно, известно, что есть путь покаяния, следовательно, есть различные степени, переходы, усовершенствования на этом пути. Не нужно только самовольно перескакивать и, находясь на низшей ступеньке, не искать того, что находится на высшей. Потому-то я и сказала, что между этими двумя состояниями целая жизнь подвига и борьбы. Ничего не может быть полезнее для человека, как узнать свою меру, где он находится. Тогда он безошибочно отнесётся ко всему и будет на неложном пути. Вот для этого-то неоцененно дорого иметь руководителя, он укажет неложно состояние и меру руководимого. Помню, как я стала жить с матушкой, часто слушая её наставления о пути спасения и как будто созерцая этот путь от начала и до конца, я часто спрашивала у матушки: «Где я?», и матушка всегда отвечала, что меня нет нигде, потому что во мне ещё нет ничего, что служит залогом спасения, нет даже живого сознания погибели, которое заставляет искать истинного спасения. Признаюсь, я не вполне понимала тогда матушкины слова, хоть и верила им и скорбела за своё состояние, но потом живо почувствовала их истину, и теперь они служат для меня, как и все матушкины слова, основанием самоиспытания.

22 мая 1871 года

... Я смутила вас похвалой, простите меня! Но нужно ли смущаться? Я не верю в то состояние, которое нужно беречь. Если есть что хорошее, его нельзя не видеть, нельзя не признавать его хорошим, но можно и должно приписать его Господу, и откроется новая причина для души смиряться и благоговеть пред Единым Святым и Спасающим. Похвала иногда и просто по-человечески принятая и ласкающая самость бывает полезна, как ободряющая унывающий дух. Бывало при матушке, почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей и придёшь к матушке с просьбой, чтоб она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнёт уверять, и так серьёзно и сильно, что я поверю, и утешусь, и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и её употребляла как орудие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражиею. Так десными и шуими* соделывается наше спасение.

26 июня 1871 года

... Простите мне моё неразумие и немощь моего духа, искажающую святую истину, и не спешите чуждаться меня. Вспомните, с каким смелым и решительным требованием

* Правыми и левыми.

духовного общения я приехала к вам. Родство духовное было признано ещё тогда, как я не видела вас, потому-то я требовала от вас, как от родных, чтоб вы его признали. И теперь потерять общение с духовной семьёй преосвященного Игнатия — это значит остаться опять в совершенном духовном одиночестве, а это очень тяжело.

Если я говорю иногда, что есть различие, то я признаю его не в духе, не в направлении, не в основании и цели, но в некоторых приёмах духовного пути. Это различие я замечаю не между владыкой и моей матушкой, а между нами. Правда, что оно связывает меня немного, но и оно со временем должно разъясниться. Потерпите же и вы то, что видите во мне или в моих словах не вполне понятное для вас или даже чуждое. Я сильно верую, что если мы будем по возможности верны словам наших духовных руководителей и по милости Божией не отчуждимся от их духа, то никогда не будем чужды и друг другу.

... В состоянии мертвенности, в которой я нахожусь, ещё не может быть правильного зрения своей греховности. У мертвеца нет глаз, чтобы видеть; нет языка, чтобы просить. В этом состоянии может быть одна вера, хоть не живая, но твёрдая и непоколебимая, что Создавший может вновь воссоздать, если будет угодно Его благодати и Его всесвятой воле, всё устрояющей для спасения человека. Когда же начнут открываться очи, то тогда зрение греховности своей бывает не принуждённое, но естественное состояние души, при чём естественен и вопль постоянный души о помиловании. Но переход из одного состояния в другое не может быть самовольный. Можно, конечно, прийти в это зрение самому, потому что ум, обогащённый чтением слова Божьего, может воображением входить во всякое духовное состояние, может шевелить чувства, умилять их на время, и этим утешиться, но это неправильный путь, и этот путь бесплоден. Что сам берёшь, то сам и должен хранить и непременно утрачивать при малейшем столкновении с жизнью, с действительностию, потому что состояние было ложно, мечтательно, воображаемо. А то, что приходит от Господа, то состояние, в которое душа вводится Самим Господом, бывает вечно, неизменно. Это не взятое ею делание, а её состояние. Лишиться его она может только тогда, если совсем сойдёт с духовного правильного пути, а столкновения внешние, даже свои собственные немощи и страсти, не отымут у неё того, что сделалось её вечным достоянием.

Но и самое ощущение мертвенности не может быть взятое, оно приходит от полного познания живущей и действующей в нас самости и от решительного намерения не жить в этом противлении Господу. Вы спрашиваете: как стать в правильные отношения к ближним, чтоб от собеседования с ними могла быть общая польза и чтоб они не расстраивали обыденный порядок жизни. Можно давать только то, что мы имеем. Вы имеете большую веру к слову владыки, эту веру вы сообщаете всем беседующим с вами, и в беседе и в вас она оживляется. Вот и польза от собеседования. А вреда большого от рассеянности я не вижу. Конечно, ваш дух развлёкся тем, что вошёл сочувствием в отношения семейные и общественные ваших родных, но это не значит, что они внесли в вашу душу расстройство, они открыли только то, что живёт в ней. И вот в эту минуту оживления чувств и должна быть внутренняя борьба. А борьба состоит не в том, чтоб не хотеть видеть в себе оживление некоторых чувств, но в отречении того, что рождает их в душе, и в терпении как их обнаружения в себе, так и того страдания, которое последует отречению, и той борьбы чувства, которое отвращается духовного закаления, которое противится ему. Такая борьба очень очищает чувства и научает познанию себя и духовному разуму. Постоянное уединение и строгое хранение себя едва ли полезнее некоторых уклонений от обыденного порядка и борьбы, последующей за ними.

21 сентября 1871 года

Не стесняйтесь писать ко мне и часто и много, никогда меня это не отяготит. А если бы что и отяготило, то зачем же беспокоиться об этом, разве не к труду мы призваны? разве труд не есть наше настоящее дело? Да избавит нас Господь от дел увлечённых, приятных, сладких, как я выражаюсь, а от труда я не желала бы уклоняться.

30 ноября 1871 года

...Вчера была принята под руководство ещё одна послушница, после целогодичного испытания нашего искания и её. В монастыре у нас утвердилось такое убеждение, что ко мне под руководство духовное так трудно попасть, что лучше и не искать этого; кто же решится поискать, тот решается всею душою. Отчего же я так стеснила вход к себе? Оттого, что очень тесен путь. Тесен он тем, что требует отречения полного, тесен тем, что ни в себе, ни около себя не даёт человеку видеть опору на этом пути, тесен ещё более тем, что во мне, как в названном руководителе, видит трость ветром колеблемую, часто приклоняющуюся к земле и почти сокрушённую. А в руководителе всегда хочется видеть твёрдый жезл, на который во всякое время можно было бы опереться. Но этого я не могу и даже не хочу дать. Довольно того, если руководитель укажет, где искать, где найти этот жезл, и блаженна душа, если найдёт его, этот непоколебимый жезл опоры, в едином крепком и никогда неизменном, вечно живущем Господе.

4 марта 1872 года

Теперь вы уже в Петербурге. Господь да благословит вас и да поможет вам потрудиться в пользу истины! Вы боитесь рассеянности при встрече с родными и знакомыми, и, конечно, рассеянность будет, но только бояться её не следует. Сидя в келии, мы боремся с помыслами страстными, греховными, а среди людей — с самими страстями. Вот и выходит — одно и то же, только в последнем случае борьба обширнее, живее, действительнее. В келии мы изучаем слово Божие, а среди людей должны стараться исполнять его. В петербургских гостиных заповеди Божии могут исполняться на деле, и вы не сетуйте, что не успели выписать их из Евангелия. Исполняться же они могут тогда, когда вы свою душу будете становить на пути самоотвержения, а целью действий своих будете иметь отречение. Это состояние души сейчас же укажет на то, что должно быть в её отношениях с людьми, с ближними. Она сейчас найдёт эту среднюю меру, которая чужда сласти, человекоугодничества, как одинаково чужда холодности, жестокости, жёсткости. Эта средняя мера есть любовь. Не беда, если вы увлечётесь иногда и понемоществуете, но беда, если при этом вы сойдёте с того места, где я советую вам стоять. Блаженное самоотвержение! пребывая в нём, и среди огня не сгоришь, и среди воды не утонешь, а с самостью не только в затворе келии, но и в самом раю погибнешь.

8 марта 1872 года

...Захотелось поговорить со своими дочками. Собралось их человек десять и между прочим говорили о любви к ближнему. Ближнего надо поставить на то место, где сам стоишь, значит прежде надо сойти с того места, где стоишь. Где же это то место, где стоишь? Это весь мир, видимый и невидимый. Везде самость захватила всё себе, ничего не хочет уступить ближнему, и как же может любить душа ближнего, когда чувствует, что он у неё всё отнимает, имея на всё такие же права, как и она. Вот она и видит его врагом своим и ненавидит его. Надо всё у себя отнять, чтобы уступить всё ближнему, и тогда-то, вместе с ближним, душа обретёт и Господа.

20 февраля 1873 года

Поздравляю вас с наступившей Четыредесятницей, которую желаю провести в совершенном здоровье и духовном подвиге. Мы, по обычаю монастырскому, говорим: «С душевной пользой», но польза не от нас, а от Господа, об ней будем молить Его милосердие, а я желаю вам пребывать в подвиге, потому что подвиг — от нас, в нём пребывать нам нужно непрестанно, а теперь и время способствует ему и Церковь помогает. В чём же должен состоять подвиг? и какая цель его? Подвиг должен состоять в отрезвлении тела от сонливости, от лени, чтоб оно бодро стояло на службах церковных, на келейных молитвословиях.

В отрезвлении души от уныния, ума — от помыслов суетных, сердца — от чувств страстных, чтоб всецело внутренний человек предстоял пред Господом. Это-то и есть цель всех подвигов. Но приведёт ли Господь достигнуть желаемой цели? Об этом опять не нам рассуждать, а подвиг оставлять было бы грешно; и только одно уныние, подкреплённое неверием, основанное на развлечении, может пренебрегать им, сделавши своею целью удовлетворение своих страстных влечений. Но не хорошо и то, что вы очень унываете от напора искушений. Бросьте своё смущение, я не хочу его видеть в вас! Помыслы безнадежия — от врага, а я не хочу, чтоб вы прислушивались к его внушениям. Господь не попустит нас погибнуть. Он победит врага и наши страсти. Он дарует нам вечное спасение Своим непобеждаемым милосердием. Я верую в это и, зная вашу душу, не нахожу вины не иметь и вам этой веры, полной и неизменной. Немощи наши не погубят нас, но может погубить нас неверие, от чего да избавит нас Господь Своим милосердием.

2 марта 1873 года

Вы занялись чтением Петра Дамаскина. Да, я помню, что желала читать его с вами, не для того чтоб читать собственно Дамаскина, но чтоб в своих беседах с вами иметь руководителя. Вам одному его читать не знаю, будет ли полезно? Если б вы читали просто как слово Божие, недоступное пониманию нашему, недоступное толкованию, недоступное усвоению, то тогда всякая книга могла бы без вреда читаться вами. Но вы всё хотите усвоить, взять силою, и потому выходит, что самое полезное слово обращается во вред. Что если вздумаете усвоить те восемь видений, о которых говорит Пётр Дамаскин? Что если вы будете держать себя силою хоть на первом из них? Думаете, я похваляю вас за это чтение? Нужно знать меру свою, нужно держаться того слова, которое прилично нашей мере, мере невозрождённого человека. «В поте лица твоего хлеб твой снеси». И нам ли мечтать о духовных видениях, когда мы ещё не попотели в труде, чтоб приобрести свой насущный хлеб, когда земля нашего сердца родит постоянно терния и волчец? Господи! помилуй нас по велицей Своей милости! Господь да покроет вас Своей милостию! Вот желание и молитва преданной вам искреннейше.

1 мая 1873 года

Хотя я буду в Крыму, почему бы вам не продолжать писать мне о своём духовном делании? Я не обещаюсь всегда отвечать вам, но, слушая что-нибудь ваше, я не утерплю, чтоб не сказать вам своё, а если Господь вразумит меня, то Его слово.

Феодосия, 31 августа 1873 года

Не понимаю, на чём основана ваша жизнь, когда маленькая рассеянность — переделка окон в келии и т. п. — может вас наполнить помрачением, пустотой и безжизненностью? Пойдите всмотритесь, поймите, на чём была основана жизнь того великого старца (кажется, Сисоя), который говорил: «Если небо с землёю столкнётся, и тогда не ужаснётся душа моя и не отлучится ум мой от памяти Божией». — Где же теперь вы, и на чём стоите? — Или тот, кто говорил: *Ни высота, ни широта, ни глубина** и так далее, или: *Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад, Ты тамо еси***. Отчего же вы всё теряете от переделки окон в вашей келии? Оттого, что только ум свой отдаёте в работу, им одним всё хотите приобрести и держать, а сердца своего боитесь отдать в рабство заповедям Божиим, боитесь, что ему будет больно. Вот оно-то, наполняясь ощущениями чуждыми, не даёт и уму стоять на том месте, где вам хочется его держать.

* Рим. 8, 39.

** Пс. 138, 8.

20 августа 1874 года

... Вы спрашивали о молитве. Но я много говорить о ней не могу по малоопытности. Молитва веры, молитва при сознании своей греховности, всесторонней немощности и недостаточности, — вот единственная не прелестная* молитва человека, не достигшего чистой молитвы. А о чистой молитве мне говорить неприлично, как не имеющей её. Она дар Божий, она венец жизни иноческой, она возможна при действии благодати Божией в сердце или, лучше сказать, — она есть само то действие благодати. Путь к ней — чистота.

Чистоту помыслов и чистоту чувств не трудно приобрести уединением, чтением, упражнением в молитве; но чистота сердца многими смертями приобретается, она есть совлечение страстей. Попробуйте уединиться на некоторое время, попробуйте отрешиться от всякой заботы и попечения, отдайтесь молитве, и вы увидите, как улягутся смятенные помыслы, как успокоятся раскаченные чувства, вы начнёте в мирном и внимательном настроении молиться. Но там, в груди, есть тяжесть непонятная, которая давит и давит. Без всяких порывов, без всяких желаний, но лежит как камень на сердце, производит тьму и тесноту, которая как стена стоит между душою и Господом. Эту стену может разрушить только благодать Божия, при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим. А для нас, во тьме страстей живущих, необходима молитва сокрушённая, при вере в Господа спасающего.

6 марта 1875 года

Помните, я говорила вам о том, что желаю положить начало, но какое начало, не сказала. *Терния и волчцы возрастит тебе земля, и в поте лица твоего хлеб твой снеси.*** — Вот это начало. Земля моего сердца постоянно родит терние страстей. С трудом искоренять их, при постоянной бдительности над сердцем, решается воля, усматривая их разумом, действуя на них именем Господа Иисуса Христа.

8 мая 1875 года

... Сожалею о болезни вашей ноги. Болезни — напоминания смерти, и надо готовиться к ней. Слышу, что вы спрашиваете: «Как?» — Думаю, отречением от земли, от всего, что составляет её жизнь и сладость. Довольно работать страстям, служба им кончена, счёты сведены, и если в этой работе душа успела помощью Божиею приобрести терпение, самоотвержение, смирение, то она не вотще трудилась, работая им. Но всё же не это искомое, ей надо идти дальше.

21 июня 1875 года

Прочитывала я присланное вами сновидение Сн-вой, и нахожу, что всё написанное в нём истина. Описание духов и их действие на ум чрезвычайно верно. Когда человек живёт земною жизнью, то он не может познавать, насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа, не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которою он действует как когда хочет. Но когда со смертью отнимется воля, тогда душа увидит, чьей власти она порабощена. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освещая, боготворя. Те же души, которые имели общение с дьяволом, будут им обладаны. Вот потому святые отцы, зная тайну эту, руководствуют нас к истинному обетованному спасению, путём не мечтательного делания, но действительного подвига душевного и телесного. Со смертью разрушится мечта. Она разрушается и при жизни, когда сном ли, болезнью ли, усталостью ли, рассеянием, различными искушениями ослабеет наше произволение направлять себя на добро. Видим мы в эти часы и дни немощи, что наша

* Т. е. не прельщающая (обольщающая, лукавая, обманчивая). Ср.: впасть в прелесть, в заблуждение, прельститься.

** См.: Быт. 3, 18–19.

храмина создана была не на камени, а на песке мечтательности: не составляем хороших мыслей — и не пребывают они в уме, не сочиняем добрых чувств — и нет их в сердце, и расхищает диавол ум наш и увлекает сердце туда, куда попускает его увлекать живущее в нас зло. А чтоб это зло искоренилось из естества нашего, нужна особенная благодать Духа. Но и со стороны человека, Богу помогающе, нужна деятельность немечтательная. Она бывает немечтательная тогда, когда человек действует теми именно свойствами, какие есть в нём, очищая их отречением от греховности, а не унижением своих человеческих свойств. Труд в заповедях Божиих — единый неложный путь ко спасению; он врачует самое естество греховное, образует его в подобие Божие и делает, что всякое добро естественно его сердцу, как всякая истина естественна возрождённому (Духом Божиим) уму.

30 марта 1876 года

Вчера я получила два ваших письма от 15 и 21 марта. В одном из них вы описываете своё состояние, которое называете тупоумием, и смущаетесь тем, что душа, находясь в этом состоянии, не имеет никаких сил отражать искушения, приражающиеся к ней помыслами и ощущениями. Душа и ни в какое время не имеет силы побеждать ни страсти, ни помыслы о страстях; их побеждает в нас Господь силою Своей благодати. Но вам хочется знать, как должна держать себя душа во время известного перехода, который вы называете тупоумием, когда прекращается деятельность ума, — и унынием, когда прекращается деятельность внутреннего духовного чувства. Состояние души в этом переходе бывает очень тяжело. Для немощного позволительно в это время развлечение. Менее немощному помогают занятия послушанием, духовные беседы и вообще внешние подвиги. А более сильному святые отцы во дни этого душевного зноя давали такой совет: «Ешь, пей, спи, но не выходи из келии, и она тебя всему научит». Испытавшие такой совет называли келию «пещию Вавилонскою». К чему же приводит последний совет? — К обретению Того, Кого обрели отроки в Вавилонской пещи. Вы наверно пожелаете узнать, кто такой этот более сильный? Это тот, кто имеет правильные духовные понятия. Они дают ему силу во время искушения не уклоняться с истинного пути. А другой силы человек от себя и ожидать не может, потому и несёт всё в терпении.

20 сентября 1876 года

...Вчера я была у схимницы, и мы беседовали о том, что много у меня скорбей в настоящее время и что наведением скорбей враг усиливается погубить душу, уклоняя её в уныние, в ропот, в нелюбовь к ближнему, а Господь, попуская скорби, хочет спасти её, давая ей возможность борьбою приобрести мужество, терпение, разум духовный и наконец смирение, когда самые эти скорби превысят силу. Вот посреди этих путей стоит душа, и куда склонится, тот путь и примет её и доведёт до своей цели.

10 ноября 1876 года

Письмо А. П. вас встревожило; это понятно, но постарайтесь по возможности предать его воле Божией. Это можно сделать тогда, когда отстранишь собственную волю и не станешь указывать, что лучше и как следует.

... Ваше влияние на него большое, а поэтому следовало бы теперь остерегаться давать ему советы, они могут быть тяжелы для него и слишком угнетут его внутреннее чувство. Любовь тем и хороша, что она даёт свободу, не ограничивает места, до которого она может следовать за любимым, но, напротив, она идёт за ним в самый ад. Потому-то она и сильна, и не раз восхищала* любимых изо дна ада.

* От *восхитить*.

29 ноября 1876 года

... Вы спрашивали о памяти смерти. — Хорошо иметь память смерти, но с разумом. Когда она служит к отречению, к умилению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не к спасению, а к гибели. Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благости, Его дарований, тунё* нам посылаемых, спасения, даруемого Им нам и обстоятельствами жизни, и самыми нашими падениями. Всё хорошо в своё время, а не вóвремя и самое хорошее может послужить во вред. Но есть одно дело, для которого всегда время, это дело — смирение духа, оно лучше всего.

27 января 1877 года

... Всегда, как только случится что-нибудь неприятное для чувств наших или скорбное по отношению обстоятельств, нас окружающих, или что-нибудь вообще противное воле нашей, — вы всегда при этом говорите: «Это попущение Божие». Это слово мне всегда не нравилось и коробило моё внутреннее чувство. Я не давала себе отчёта, почему так делается, но сама никогда не повторяла ваших слов и не называла попущением Божиим случающиеся с нами неприятности и скорби. Я называла это волею Божьею. Когда Господь наш Иисус Христос в виду предстоящего страдания крестного молился в саду Гефсиманском, Он не называл чашу скорби «попущением Божиим», но принимал её как волю Отца. И в нашей жизни всё скорбное есть выражение спасающей нас воли Божией. А попущением Божиим мы можем назвать то зло, которое мы делаем. Так, мы можем говорить: «Господь попустил врагу действовать — попустил мне забыть Его заповеди и предаться рассеянности, сластолюбию, роскоши и прочим греховным делам. Но по воле Его постигла меня болезнь, или другая какая земная скорбь, и я вошёл в себя и стал отдаляться от греха». Вот видите, где попущение Божие? — Там, где зло, где грех нас постигает, а не там, где скорбь земная, плотская.

Но волю Божию не только нужно принимать, а надо её и творить, а для этого прежде всего её нужно познавать. Познаётся же она душою, когда открывает Господь душе Свою волю Сам. Открывает же Он волю свою душе, когда она ходит пред Ним в правоте. Эта правота состоит главным образом в нелицемерном намерении исполнять волю Божию, в совершенной готовности отречься от своей, в неуклонной решимости принять всё, что пошлёт Господь, без всякого рассуждения и самооправдания.

24 марта 1877 года

Вчера в обедню, слушая пение стихир, я мысленно говорила вам, или передавала свою мысль: «Господа можно продать подобно Иуде за самую малоценную земную вещь, но взять Его своею собственною силою нельзя». *Сам бо пришёл есть спасти блудницу*, — поёт Святая Церковь. Сам Он приходит к душе, если она не будет Его продавать и делом, и чувством, и мыслию.

10 января 1878 года

В этом году я ещё не писала вам и не приветствовала вас с новым годом. Это отчасти происходит оттого, что я не всегда ценю обычаи света и вообще все перемены этого изменчивого мира. Вот был бы действительно новый год жизни, если б душа из тьмы пришла к свету, из страстей — в бесстрастие. А то, что нового у нас? и вчера — страсти и грехи, и сегодня они же с нами, всё те же старые, и всё такие же новые.

* Втуне, даром, бесплатно, безвозмездно.

24 октября 1879 года

... Привыкши вникать в смысл всякого дела и слова, я часто останавливалась в недоумении перед обрядом и обычаем просить у всех прощения накануне поста. Мы просим прощения в этот день не только у тех, с кем не встречались на деле и не могли быть виноватыми пред ними, но даже и у тех, кого иногда совсем не знали, не видали никогда. Зачем этот обычай — у всех просить прощения, — точно он не имеет смысла и как будто этою безразличностью затмевается настоящий, существенный смысл этого постановления? Так я думала и смущалась духом, и не умела делать поклона с душевным сознанием, и скорбела об этом. И только теперь мне открылось и душа моя сознала точный смысл этого постановления.

Лично мы не делали ничего обидного, и нет нашей вины пред всеми, но если б даже мы могли с Давидом сказать: *Тебе Единому согреших*, то и тогда наш грех становится грехом пред всеми, и мы делаемся виноватыми не только перед ближними, но и перед всеми людьми. Если наша душа, при содействии благодати Божией, усвоит какую добродетель, то она становится достоянием всех. Милостивый всех милует, смиренный всех прощает, кроткий всех терпит, опытный в борьбе со своими страстями помогает другим и так далее. Эти добродетели становятся достоянием всего мира. Об них говорят, передают друг другу в назидание, об них слышат дальние, они становятся для них примером подражания, укреплением и поддержкою. Точно так же и грехи наши. Сделанные в сокровенности сердца, не только словом, но хоть мысленно, они оскверняют сердце, расслабляют его, делают порочным, слабым, недейственным, слепым и глухим. Греховность наша отзывается и на других, на всём мире. Мы не даём нашим ближним того, чего они вправе требовать или ожидать от нас. Ни любви, всё носящей, всё терпящей, всем жертвующей, ни силы опытного слова, ни примера терпения и благой деятельности, — ничего мы не даём им. И смотрят они на нас тоже с нелюбовью, и идёт об нас общий говор всё расслабляющий, всех растлевающий. Вот и виноваты мы пред всеми, вот и нужно просить у всех прощения, вот и новая причина смириться глубоко, глубоко в своём сердце.

23 февраля 1881 года

... Я рада посту и его тишине, хотя спрашиваю себя: «Что даёт мне эта тишина?» Правда, что она даёт покой телу, что для моего больного тела очень дорого. Но покой души не всегда находишь при внешней тишине и покое. Напротив, часто, если не всегда, в этом покое внешнем в душе возрастает буря страстей. И если при рассеянности нужно воздержание, то во время уединения ещё нужнее терпение. Терпение — это тоже живая сила души при духовном разуме, познающем изменения вещей и всего земного, при вере сердца, при смирении духа. Терпение даёт душе постоянство, оно переходит в мужество и тогда становится не пассивным чувством, а деятельным.

14 декабря 1881 года

Не только для постоянного пребывания в молитве, но даже и для исполнения молитвенного правила необходим мир душевный. Если мир душевный чем-нибудь нарушен, то молитва становится или только устною, или с большим подвигом совершается умом; сердечною же она никогда не может быть. Мир душевный, как достояние *чистых сердец*, приобретает или, правильнее сказать, ниспосылается Господом по многим трудам и подвигам над душевными страстями и после многих отречений. Но мы, грешные, питающиеся крупичками со стола богатых, стремимся приобрести мир хотя [бы] во время молитвы. Для этого тоже потребен подвиг тяжёлый и продолжительный. Полное отсечение помыслов во время молитвы, отречение от чувств и от всего окружающего мира, предание всего на волю Божию, непоколебимое утверждение сердца в вере, несомненное упование на силу Божию. При таком утверждении сердца молитва совершается в мире. Но если это состояние достигается нашими трудами, а не есть дар благодати Божией, то иногда наш внутренний мир подавляется и омрачается двумя противоположными состояниями: или хладом сердечным, или радостью

чувственной, занимающими место или заменяющими смятение помыслов и волнение чувств. Хлад сердечный — это такой исполин, которого победить не достанет человеческих сил. Много надо подвига любви к ближнему, много милосердия к недостаткам ближних и прощения их, чтоб смягчилось сердце. А во время молитвы — упования на силу Божию, нужна молитва за ближних, за весь мир, за *вся человеки*, молитва о прощении грехов всех грешников, из них же *первый есмь аз*. Пройдёт хлад — и наступает безумная радость, которая волнует внутренние чувства и нарушает мир. Тогда-то потребно глубокое смирение, временное даже оставление молитвы по недостойности, служение самоотверженное ближним делом или словом. И только в глубине смирения и самоуничижённого чувства кроется мир внутренний, при котором совершается молитва.

22 декабря 1881 года

...Блаженный Иероним сам о себе свидетельствовал, что «моё тело, прежде общего разрушения человеческого состава, было уже мертво; а мои страсти всё ещё кипели». Он описывает свой подвиг деннонощный, своё сокрушение, а мятежная плоть продолжала брать перевес над силой, и душа повергается в уныние. Это постоянное пребывание в подвиге, неуклонное стояние в нём — вот черты, запечатлённые в его изображении на образе. Даруй нам, Господи, всегда пребывать в подвиге, а что выше этого состояния, то не от нас.

21 марта 1882 года

Жизнеописание владыки нашего я получила и читала. Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дóроги слова самого владыки, его собственное свидетельство о себе. Сказать о нём слово может только тот, кто возвысился до понимания всех его деяний. Чем меньше о нём сказано, тем лучше. Об Лествичнике так мало нам передал его жизнеописатель, а между тем для всего монашества — и древнего, и нового, и будущего — он будет руководителем, и его образ такой ясный и живой для всякой души, руководимой им. По-моему, очень довольно сказанного и для настоящих и для будущих почитателей и учеников владыки. Пусть бы ещё и ещё печаталось это издание. Но скажу к этому, вам необходимо собрать все материалы, все мелкие и подробные сказания, которые вписать чисто в одну тетрадь и скрепить своею подписью. Пусть это будет памятником для ближайших последователей владыки, а, может быть, в будущем они будут иметь более обширное применение.

Брат Василий Михайлович пишет, что они читали жизнеописание владыки и что его поразило сходство с одной знакомой ему душой, в особенности в призвании на путь духовной жизни.

Киев, 6 августа 1884 года

... Я люблю поспорить, когда дело идёт о различии мнений, но при различии духа спор невозможен, и лучше молчать.

Усть-Медвед<ицкая>, 24 августа 1884 года

... В этот приезд особенно усердно я посещала Великую Лаврскую церковь. Это пение лаврское, полное покаянного сокрушения и твёрдой, непоколебимой, дерзновенной веры, пробуждало мою ленивую душу, сокрушало её. Как мне было грустно слышать, что те, которые стоят во главе, не понимают это пение, даже укоряют его. Наместник несколько раз приглашал меня к себе, и по несколько часов мы проводили в духовной беседе. Из них — результат. Я поняла, что он человек духовный, но насколько он не единомыслен нам, я сужу из того, что чем дальше шла наша беседа, тем моя душа всё глубже уходила сама в себя и закрывалась. Но он хороший монах и, кажется, на своём месте. При прощании наместник сказал мне: «Мудрёный вы человек». Он не хочет признать, что стремление у нас — к одной цели, что есть оно — это стремление.

1 декабря 1885 года

... Что вам сказать о себе? Хочется молчать. Начинаю понимать, что молчание плодотворнее всякого слова. Молчать словом, помыслом, чувством — вот какое молчание возжеленно, потому что и говоришь, и думаешь, и чувствуешь — всё страстно-греховно. *Да молчит всякая плоть человека.* Далеко от этого молчания моя греховная душа, но иногда приходит желание молчания, точно отяготится душа суетностью, точно она теряет вкус ко всему земному, преходящему, точно она увидит несостоятельность брения*. Вот и пожелает замолчать.

20 февраля 1890 года

Мне всё думается, что болезнь ваша не к смерти... Я надеюсь, что вы поправитесь. Мне очень тяжело думать, что вы отойдете в будущую жизнь и я вас больше не увижу. ... Укрепите дух ваш верою. Не пугайте себя представлением близкой смерти и ответом за гробом. Не носите в душе страха смерти. Этот страх спасителен, когда мы живём земною жизнью, живём в страстях, в похотях плоти; когда же жизнь наша кончается, когда мы смотрим за её предел, то страх этот может быть для души великим искушением. Таким и сочтите его. Смотрите на предстоящий переход с верою и упованием, укрепляйте дух свой упованием на обетование Господа. Положите всё своё чаяние, всю надежду на Его заслуги, на Его милосердие, на Его любовь к человеку, хотя грешному, но Ему единому преданному. Нет у вас ничего. Мертва душа, нет памяти Божией. Но пусть будет уверенность в Его спасение. Отгоните страх и безнадежие. Не погибнет душа верующая, душа, преданная Его воле. Напомню вам. В первый раз, когда я видела вас, вы сказали мне, что, ничего не имея, чем могли бы спастись, желаете только одного, чтоб в обители владыки быть подобно маленькой собачке. Это слово живо напомнилось мне. Да, это и будет. В небесной обители святого владыки Игнатия уготовано и вам светлое место. Веруйте и радуйтесь. Если придёт уныние или страх, отгоните его, с надеждою и радостью думайте о переходе в загробную жизнь, и тем, кто стережёт во вратах душу, чтоб восхитить её, скажите с дерзновением: «Не имеете вы части во мне, я послушник моих отцов, которые отвечают за меня пред Господом Богом моим». Аминь.

8 марта 1890 года

... Ещё скажу вам одному: путь духовной жизни, основанный на отвержении самости, всегда бесчестен; не даёт ему Господь славы на земле и даже кончиной не удостоверяет в его праведности. Пусть Он один будет нашей правдой и оправданием, нашею святынею и освящением. Будьте мирны в этой вере и уповании.

Письмо к Лидии П. В.²

15 ноября 1870 года

... Я всегда рада слышать, если в ком-нибудь открывается желание к монашеской жизни; если же кто из образованных и умных людей посвящает себя этой жизни, то меня это радует ещё более. Но при этом нужно знать, какая причина заставляет избрать эту жизнь и какую цель имеет человек в этом избрании? Цель даёт направление и характер всей будущей жизни и деятельности человека, и потому она очень важна. Вы пишете, что решаетесь на поступление в монастырь, видя окружающие вас скорби. Я этого не понимаю. Если вы смотрите только на внешнюю сторону жизни и от скорбной жизни желаете найти покой в тишине монастырской жизни, то вы ошибаетесь. В монастыре свои скорби, и даже, может быть, более тяжёлые, чем в мире. Если же вы духом постигли суету жизни земной, если в ней вы не находите удовлетворения своей душе и желаете найти эту полноту в жизни духовной,

* Или, по-другому, брэнного.

жить для вечности, для Бога, то это стремление ваше правильное. Но при этом решении нужно подготовиться на все скорби, душевные и телесные. От человека, желающего спасения, многого требуется. Стены монастыря, чёрная ряса, даже все внешние подвиги жизни монастырской ничего не значат без внутреннего подвига, который составляет цель жизни монашеской. Состоит же он в совершенном перерождении всего человека, в совлечении всего земного, в умерщвлении всего своего — человеческого разума, всякого чувства человеческого, — для того чтоб ожить для Бога и в Боге. Как далёк человек от Бога, так велика и бездна, разлучающая его с Богом, так велик и труд воссоединения. Мало того, что путь этот тяжёлый, но даже не для всех доступен, не всем открывается, не всякий находит его, не всякий ищет, даже не всякий вожделевает его. Его вожделевает, ищет и находит только тот, кто призван на этот путь самим Господом. Призвание же Божие чувствует душа, когда она в земной жизни ничем не удовлетворяется, когда она постоянно чувствует какую-то неполноту и когда она ищет, чтоб в ней самой открылось ощущение бессмертия, вводящее её в жизнь вечную и приближающую к Господу вечному. Такому призыванию Божию душа не может противиться, она делается послушной и не остановится в своём искании внутренней жизни, общения с Господом до тех пор, пока не найдёт пути, приводящего к этой цели, и тогда не остановится, но всё трудится на земле своего сердца, всё идёт дальше и дальше, несмотря на то, что путь делается всё труднее и труднее, всё более и более требует отречения от души, вверившейся Ему, и в этом умерщвлении себя, во внутренней смерти, находится всю жизнь, до тех пор пока угодно будет Богу призвать его к вечной жизни. Если не принять этого внутреннего подвига, не искать этого внутреннего пути, то не нужно и поступать в монастырь. В него поступают для того, чтобы в этом училище духовной жизни образовать свой дух, чтоб в нём найти руководителей и все средства для прохождения этого духовного поприща. Подумайте об этом хорошенько и по возможности приготовьте себя, и тогда только решайтесь. Ознакомьтесь по возможности с требованием внутренней жизни и прислушайтесь хорошенько к своему духу, способен ли он отдаться им и склоняется ли он к этому новому призыванию? Ознакомьтесь вы можете с ним, если добудите себе книги: *Лествицу* Иоанна Лествичника и ещё четвёртый том сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова).

Из писем к В. И. И.²

С апреля 1885-го по 1889 год

Не стремитесь так усиленно узнавать волю Божию в вашем деле, чтоб на принять за волю Божию горячность собственного сердца. Надо знать и глубоко познать, что сердце наше так испорчено, так помрачено грехом, жизнь наша так спутана нашими пороками, испорчена своевольными умыслениями нашего грехолюбивого сердца, что не только творить волю Божию или познать её мы не можем, но даже действовать в нас и в нашей жизни мы не допускаем всесвоятой воле Божией. Пророк говорит: *Святим, иже суть на земле, удиви Господь вся хотения Своя в них**. Видите ли, что в святых душах, и только в них, Господь исполняет Свою волю? — в них нет препятствий для совершения в них воли Божией. Грешник же, живущий в своих страстях, живёт постоянно в противлении воле Божией. И хорошо, если он принимает, то, что попускает ему выносить Господь, если он смиряется под это попущение Божие. Такое смиренное подклонение под попущение Божие есть признак грешника кающегося. Живя греховною жизнью, мы накопили много неправды, около себя запутали других, своими грехами и их погубили.

Кающийся грешник видит, и видит то, что с прошедшим ему нелегко сделать счёты, что ему нужно искупить его трудом и подвигом великим. Не только себя, но и всё, и всех окружающих его ему надо спасать и выводить на пути истины и добра. Этот подвиг трудный

* Пс. 15, 3.

и многолетний, но он великий и истинный. А если он истинный, то он и возможен при помощи благодати Божией. Да, этот путь действительно есть единый истинный. Нужно приносить плоды, достойные покаяния, нужно трудиться там, где грешил, вставать там, где падал, поправлять то, что сгубил, спасти то, что утратил собственным небрежением, собственными страстями. Спасение возможно на всяком месте и во всяком деле, его не нужно искать вне нас, всё в своей душе можно найти — и рай, и ад. Если в ней мы находим ад, то в ней же, по благодати Божией, по труде над собою, мы можем найти рай. Есть одно условие, по которому позволительно бегство и решительная перемена жизни. Это условие то, когда немощь собственная дошла до крайних пределов. Когда не только подвизаться, но даже терпеть не имеет сил душа, когда и физическая немощь ей соответствует. Тогда не погрешим, если убежим от нестерпимого положения.

Вы решили всё бросить и идти вслед Христа. Это хорошо. Но где его найти? Вы думали узнать этот путь в богословских науках в семинарии, но там его не укажут. Там учение богословское, объясняющее только букву закона, а не его дух. Вы желали священства, монашества. Это хорошо. Но я боюсь, что в первых шагах вы увидите, что только место и платье переменили, а жизнь внутри и даже совне* осталась та же. Надо отречение от себя, последование слову Божию под руководством и направлением духовного человека. Вопрос, где его найти? Найти можно, если поискать. Я поэтому советовала вам не спешить решением, чтоб не сделать решительного шага и потом не раскаяться, когда душа ваша не удовлетворится тем положением, какое вы себе устроите. Я бы думала прежде вам взять отпуск и поехать посетить некоторые русские монастыри, где есть духовные старцы, с которыми вы могли бы побеседовать и получить от них направление своей жизни.

Первый том епископа Игнатия может оставаться у вас, а потом я могу дать вам и другой. Мне хотелось сделать вам одно замечание об этом чтении. Книга, которую вы читаете, называется «Аскетические опыты», её написал монах-аскет, в ней, да и вообще во всех сочинениях епископа Игнатия, советы даются аскетам, людям, отрешившимся от мира. Хотя и все христиане должны идти путём Христовых заповедей, путём отречения от своих греховных страстей, но есть различие в духовных подвигах, в приёмах жизненных, если можно так выразиться. Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете слова Божия, второй — в воле своего духовного руководителя, а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трёх доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй — трудом послушания и исповедания помыслов, третий — честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями. Так и во всех вопросах жизни. Я указала главные черты, указала слегка, но я хочу сказать вам только одно, что я боюсь, чтоб вы не уклонились слишком в аскетизм. Монашество не больше как форма внешней жизни, и, как оно ни хорошо, всё же оно не должно быть крайней целью искания. *Ревнуйте дарований больших*, — говорит апостол.** В заповедях Христовых сокрыто всё духовное сокровище. Любить Бога больше всего, и ближнего — как себя. Сколько нужно отречения от своих страстей, чтобы полюбить Бога выше и больше всего земного, больше себя! Сколько нужно борьбы над собой, чтобы полюбить ближнего, как себя! И вот в этих двух заповедях вся чистота, вся святость души.

Вспомните слова матушки-схимницы Ардалионы. Она говорила, что нужно поучиться ещё, как себя любить. Да, и очень надо над этим потрудиться. Например, человек несправедлив бывает к себе и требует иногда от себя того, чего дать не может. Требуется от себя победы

* Снаружи, со стороны внешней.

** 1 Кор. 12, 31.

над своими страстями и скорбит, волнуется, негодует на себя, когда видит, что его берут во власть те самые страсти, от которых он решил отстать. Но справедливо ли такое негодование на себя? Нет. Человек своею силой никогда не может победить в себе страсти: их побеждает в нас сила Божия. Эта сила присуща Его заповедям. Когда с помощью Божиею человек усвоит их, когда они будут жить в его сердце, тогда грех и страсти ослабевают и совсем прекращают своё действие в сердце. Нужно постоянно оживлять в своём сердце намерение жить по заповедям Христовым, нужно просить в молитве Его помощи, нужно смиряться в своих уклонениях, нужно подклоняться под свою немощь и не негодовать на себя за неё. Ведь не силён её победить в себе, зачем же требовать от себя того, что может дать один Господь, зачем же скорбеть на себя, что не стал выше себя. В таком требовании от себя духовного преуспеяния сказывается наша гордость. Будем всего ожидать от единого Господа и глубоко смиряться в своих немощах и греховности.

Страсти иногда упорно держатся в нашем сердце и действуют в нём властительно, помимо нашей воли, даже как будто против нашей воли. Господь попускает им так мучить нас, чтоб мы вполне узнали наше бессилие, чтоб мы смирились духом, чтоб мы поискали силы в едином сильном и едином святом Боге нашем. Эти слова я пишу в ответ на вашу жалобу, что вы иногда сердитесь. Не скорбите, но всякий раз смиритесь духом и полагайте намерение терпеть и в терпении исполнять волю Божию и Его святые заповеди. А познавая свою немощь, приходите к познанию и немощи ближнего.

Если вы не можете победить в себе свои страсти, когда, по милости Божией, и видите их, и желаете выйти из них, когда трудитесь над собою, то как требовать от ближнего что-нибудь сверх его меры. Познайте эту общую всем нам немощь и старайтесь простить ближнего, примириться с ним, понести его недостатки.

... Вы спросите, какая же цель и какой путь к её достижению? Цель жизни человеческой — общение с Богом, в чём и состоит спасение наших душ, их вечное блаженство. Путь — исполнения Его заповедей, подчинение Его воле, сказывающейся в обстоятельствах жизни. Труд — очищение сердца от страстей. Смирение — приводящее к вере, к принятию Его благодати, без которой ничто не может совершаться в нас благое и святое. Выше буквы закона способны стать высокие личности, и те не всегда находят нужным и полезным отступить от закона. Буква убила много хорошего, много святого в нас и нашем обществе христианском. Нужно стараться, чтобы буква ожила, чтобы она не убила нас, а, напротив, давала бы нам жизнь духа, или хоть указывала бы путь к жизни.

... Вы спрашиваете, знали ли друг друга схимница Ардалиона и епископ Игнатий? Нет, не знали, и даже никогда не слышали о существовании друг друга. Я тоже не знала владыку. И в мои руки попало его сочинение только в 1867 году. Оно было издано в 1865 году. А матушка скончалась в 1864 году. Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня уже сложились духовные понятия и у меня уже были духовные ученицы. Они тоже, читая епископа Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признали и ученики епископа Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году. У меня тогда был только первый том... Но я вам должна сказать, что от одного чтения нельзя усвоить духовных понятий, а нужно жить по слову. ...

... Это хорошо, что у вас есть страсти. Святые отцы говорят, что если бы не было страстей, не было бы и венцов побеждающим. А как хороши эти венцы! Но только не нужно действовать по страстям, не нужно их считать целью, к которой бы стремился, которой бы достигал.

Вы хотите всё постигнуть умом и тогда уж работать правильно над своим сердцем. Это не может быть дано человеку. Увидеть правильно своё состояние он не может до очищения греховности. Самый ум наш помрачён. А вы начинайте познание греховности с этой самой минуты, когда вы видите, что не понимаете себя. Это грех затмил око душевное, в этой

духовной слепоте познавайте свою греховность, немощь своего естества. Так и во всём. Сейчас приходите к покаянию, к познанию греховности, не ждите, чтобы она открылась вашему уму, а познавайте её в недостаточности того самого ума, в бессилии воли, в изменчивости сердечных чувств.

Вы в нескольких письмах спрашиваете меня, какие заповеди евангельские? Вопрос этот показывает, что вы решаетесь отдать себя под водительство этих заповедей, что вы решаетесь взять на подвиг исполнение их. Да поможет вам Господь! Но зачем вы меня об этом спрашиваете — раскройте Евангелие, читайте его, вникните в то, чему учил Господь Своих учеников, и вы узнаете, какие заповеди Он дал Своим последователям. Он учил их отречению от всего, от себя главным образом, даже до отвержения души своей. Это отречение необходимо нужно, потому что в душе нашей так много нечистоты, страстей, противных духу Христову, что без отречения от них невозможно общение со Христом. Это отречение от себя возможно только тогда, когда есть цель, для которой мы можем отречься от себя, отвергать свои страсти. Цель эта — любовь к ближнему. Чтобы исполнить долг любви к ближнему, необходимо оставить себя, отречься от души своей. Любовь эту Господь указал и словом, и примером как проходить. Он учил прощать врагам, иметь милосердие к немощным, не осуждать грешных, жертвовать собою для пользы ближних. Эту заповедь о любви к ближним невозможно исполнить без отречения от пристрастий к земным благам. Можно отречься от себя, можно всё уступить ближнему только тогда, когда будем искать вечной жизни, когда будем стремиться возлюбить единое вечное, неизменное Благо, единое полное Совершенство — Бога. И вот главная и первая заповедь Христова: возлюбить Бога всем сердцем, всем помышлением и всею крепостию. В двух словах Господь указал на совершенство духовного пути, но всей жизни человеческой мало для того, чтобы усвоить, чтобы исполнить это слово Христово. Отречься от себя? Но что такое я? Себя познать как следует, увидеть всю нечистоту своей души, всю её страстность, всю немощь — вот в чём заключается задача всей жизни для тех, кто искал спасения. Спасения, — сказала я, — но от чего мы спасаемся? Мы спасаемся из той погибели, в какой находимся. Значит, узнать, *какая погибель нас окружает*, — вот самый насущный вопрос. Эта погибель наша общая, погибель, устроенная нами самими, из наших страстей и грехов, погибель, которую мы в себе не видим, даже не подозреваем. А между тем то, что живёт в нас, то и мешает нам идти вслед за Христом, мешает, несмотря на нашу решимость, на наше желание. Вот и нужно, во-первых, очистить *внутренние стекляницы*, очистить тот сосуд, из которого, по словам Господа, исходят блуд, убийство, татбы и всякие страсти и грехи. Вот поэтому-то, говоря с вами, я постоянно указываю на страсти душевные. Мне хочется, чтобы вы познали всю испорченность человеческого сердца, всю немощь свою, и этим бы пришли к вере. Так как без веры нельзя получить Божию благодать, а без благодати нет возможности исполнять волю Божию.

Вы писали о скорбях жизни, спрашивая, необходимы ли они для человека? Этот вопрос поставлен неправильно, хотя в нём жизненный смысл. Господь создал человека для блаженства, и был он, действительно, блажен, пока своим грехом не извратил в себе всё то добро, которое Господь вложил в его душу. Сделавши из себя самого бога, к которому направил все цели жизни и всё стремление, он всё извратил в себе самом и во всём, что его окружает. Каждый человек для себя бог, и потому такая неурядица между людьми, такая вражда, такая ненависть друг к другу. Чтобы возродиться, чтобы прийти опять в своё естественное состояние, нужно отречься от себя, нужно отказаться от своего я, от самости, как говорила матушка-схимница Ардалиона, нужно стать на своё место, а своё место уступить Тому, Кому единому подобает честь и поклонение. Но нелегко человеку отказаться от себя. Ему нужно умереть для страстей, а смерть всегда тяжела и горька. Тем более ему тяжела и горька, что окружающие его другие люди все живут в том же состоянии падения, в котором находится и он. Они друг друга толкают в погибель, и тот, кто хочет выйти из погибели, чувствует на себе эти толчки прямо в лицо. Но если Господь поможет и, по отречении

от страстей, вместо гордости даст душе вкусить смирение, вместо себялюбия — любовь к ближнему, вместо жестокости — умиление, вместо злобы — кротость, вместо страха — веру, вместо отчаяния — надежду, вместо самолюбия во всех его видах — любовь к Богу, тогда для души составляют отраду жизни скорби; она выше их, она их не чувствует, а только сознаёт и видит и чувствует великую помощь Божию, укрепляющую дух в скорбях и искушениях жизни; великую премудрость Его путей, ведущую человека к свободе через скорби, и в самых скорбях очищающую его, выводящую из неправильного положения и ставящую всегда на правый путь. Тогда душа чувствует и силу, и радость и благодарит Бога за скорби, и кажутся они ей ничтожными в сравнении с теми благами, которые Он даровал ей через скорби.

Не оправдывая уклонения в чувственность, я всё же скажу вам, что вы, живя среди мира в семейной жизни, не можете предаться всецело духовным целям. Вы пишете, что деятельность ваша вращается около наслаждения телесного, славолубия и материального обеспечения. Так, отрешиться от этой деятельности вы даже не можете, но вы могли бы и в этой деятельности не уклоняться от пути спасения. Если по требованию своего падшего естества вы делаете дело из видов славолубия и при этом встретите успех дела, не забудьте благодарить Господа за милость Его, Ему одному приписать успех дела, от Него принять утешение, посланное в жизни, Его восхвалить за милость незаслуженную. Если же встретится неуспех, огорчение и вместо удовлетворения чувства славолубия и честолюбия придётся потерпеть бесчестье, то постарайтесь принять это от Господа как заслуженное, смиритесь перед Ним и пожелайте ещё большего бесчестия для очищения своей гордости и самолюбия. Потрудитесь над своим сердцем, чтобы оно простило врагов, чтоб не мстило даже мыслию, чтоб воздало за зло добром. Так поступайте и в других случаях, при другой деятельности. Если по страсти делается дело, то чтобы каждая его часть делалась по слову Божию. Тогда-то увидите вы, с чем бороться, и сколько немощи в душе, бессилия. Тогда и вера возродится в сердце. А когда будете видеть помощь Божию, то ещё больше утвердитесь в вере и уповании на Его силу. Не умом, а сердцем надо ощутить и свою немощь, и Его силу.

Вы справедливо замечаете, что то состояние, о котором говорила я, есть совершенство христианское: чтобы сердце настолько было расширено любовью, чтобы никто и ничто не мешало жить ему в присутствии Божиим и быть полно любви к Богу и ближнему. Да, это совершенство, и, как всякое совершенство, оно должно стоять перед нами как цель в конце пути. Если мы будем его иметь целью, хотя далёкой, но всё же вожделенной, мы будем стремиться достигать её, будем все свои чувства, мысли и поступки направлять сообразно с этой высокой целью, будем ею освящать для себя путь, будем видеть, насколько мы от неё самовольно отклоняемся или с помощью Божиею преуспеваем. Понимая так путь христианской жизни, я не могу советовать вам ничего, кроме того, что советовала и раньше, то есть борьбу со своими собственными страстями. По отношению к другой личности вот мой совет: не быть к ней требовательным, прощать её недостатки, быть терпеливым при оскорблении собственного самолюбия, быть самоотверженным, когда приходится выносить разные неудобства жизни от того разлада, который существует в семье. А если очень немоществуете, то смиритесь надо и уступите своей немощи, если нет сил идти против своих страстей и побеждать их. Страсти имеют такую силу и власть над человеком, что, отдавшись им однажды, мы становимся их пленниками, они сковывают нас и не дают возможности выйти на свободу. Они ослепляют наш ум и не дают ясно видеть себя и свой путь. Берегитесь давать волю своим страстям, а лучше отдайте себя в работу заповедям Божиим, чтобы быть рабом Божиим.

... Не беда, что вы не получили желаемого священства, не беда, что вы не монах, можно и мысль об этом оставить, если нет на то воли Божией, но никогда не оставляйте Христа. Пусть Он будет целью всех душевных стремлений, целью всех желаний сердца, всех мыслей ума. Любите Его волю, Его заповеди, сделайте ради Него какое-нибудь добро своим ближним,

словом или делом. Если вы будете любить Христа, если для Него вы в чём-нибудь поступите против грехолюбивых стремлений и желаний своего сердца, если Ему принесёте в жертву какое-нибудь своё пристрастие, то вы будете Его священником, тайным монахом, ангелом. Я читала в Патерике, что однажды похоронили одного мирского человека и монаха недалеко друг от друга. Когда впоследствии открыли их гробы, то нашли, что на монахе мирская одежда, а на мирском — монашеская. Видите ли, нам неизвестно, кто монах перед очами Божиими. А вас я считаю своим сыном духовным и желаю вас видеть последователем Христа, Его учеником.

Чтобы сохранить чистоту тела, необходимо сохранить чистоту сердца и ума. Вот и нужна молитва, нужно внимание к своему сердцу, нужен подвиг над собою. Если мы не всегда можем сохранить теплоту, так как она есть дар Божий, то можем всегда укреплять в себе решимость воли подвизаться против страстей, можем возгревать в себе стремление к совершенству, можем нудить себя к подвигу. Заповеди Божии даны нам не для произвола: хотим или не хотим их исполнять; нет, мы обязаны их исполнять, иначе мы погибнем вечно. Вот я и убеждаю вас — для Бога, для исполнения Его пресвятой воли понудить себя понести недостатки ближних, а к себе, к своим недостаткам быть строгому, требовательному. Хорошо бы вам иногда читать жития святых и иметь хоть небольшое, но постоянное молитвенное правило. ... Когда вы просите небесных благ, то сравнивайте их с благами земными. Вы дайте своему сердцу почувствовать всю тщету этих земных благ, их преходящность, их изменчивость. Так размышляйте об каждом прощении, пусть целый день душа живёт этим созерцанием. Если придут хорошие мысли, запишите их, если придёт умиление — уединитесь. Дайте пищу вашей душе, дайте занятие вашему уму, дайте направление вашему воображению. Пусть приносит плод посильный труд ваш, чтобы в будущей жизни не голодать вечным голодом.

Скажу вам, что мы никогда не должны давать поблажки своим страстям. Вы преследуете вора, который украл потому, что ему нечего было есть. Самая потребность естественная не может быть оправданием его воровства. Будьте же строги и к себе. Всякая поблажка своим страстям убивает чистоту нравственного чувства. Совесть, этот естественный нравственный закон, написанный в нашем сердце, гложет, если мы не слушаем её внушения, если мы делаем поступки, противные её внушениям. Что это за слова: «я хочу» или «я не хочу»? — эти слова не имеют значения там, где дело касается нравственного закона спасения души.

Вместо своего хотения должна быть заповедь Божия, воля Божия, ведущая нас к жизни вечной. Если бы вы были на войне, могли бы вы сказать, что не хочу идти в сражение? Нет, вы шли бы не думая, шли на явную смерть. Если настоит* духовная брань, если заповеди Божии требуют борьбы, как же мы можем говорить, что не хотим бороться, что приятнее отдать себя в плен нашим врагам? Какой срам! Какой ужас в здешней жизни, кто расслабит свою волю до такого состояния; а в будущей жизни ещё более срама потерпит душа, когда откроются все её дела и помышления! Надо просить, молить Господа, чтобы укрепил волю противиться страстным помыслам, обратил бы все силы, все стремления и хотения души к высшим целям, святым, высоким, благородным. Я буду молиться, чтобы Господь даровал вам решимость не только терпеть, страдать, но даже умереть за Его заповеди.

Из писем к М. С.²

... Да поможет тебе Господь Бог! Он укрепит и дух твой. А я от себя скажу тебе одно слово опыта. При всяком смущении и искушении единственный выход и успокоение — это смирение. Только этою стезёю приходит душа к истине, всё разрешающей, к теплоте

* Наступает, наступило, предстоит.

врачующей, к свободе облегчающей. Если потеряешь эту стезю, то окружает душу мрак и теснота. Она приходит к ложному разуму. А это бедственно. Потому что ложный разум показывает всё в превратном виде; все обстоятельства жизни представляются горькими и бедственными, не видишь в них путей Божиих, великих судеб Его спасительного Промысла; люди не братья, а враги, их немощи возрастают до крайних пределов. Собственные немощи делаются страшными и даже живыми образами мучений внутренних. Да, одна стезя спасает в это время — стезя смирения.

Из писем к А. С.²

Я с Господом ничего не боюсь. Иду своей дорогой, впереди вижу, или хочу видеть одну свою цель, какая бы ни была, но цель, к какой стремишься. К этой цели стремлюсь, а всё остальное не вижу и видеть не хочу. Вот в чём сила. Против этой силы не устоит никакая интрига, и даже не коснётся её. *Господь помощник, не убоюсь, что сотворит мне человек.**

Я верю тому, что тебе нелегко живётся. И болезнь родителей, и всё, что делается не так, как бы тебе желалось, всё это тебя мучает. Но как же ученик Христов учит нас за всё благодарить? Он говорит: *Непрестанно молитесь, за всё благодарите.*** За всё — значит, за все скорби и за всё неприятное, что случается в жизни. Да, прежде надо укрепить веру в сердце, что всё творится по воле Божией. Нужно согласиться предаться этой Святой воле. Нужно смириться сердцем, признать себя не достойной лучшего. Тогда только можно за всё благодарить. Епископ Игнатий учил своих учеников часто во время скорбных обстоятельств, так же как и во время радостей, повторять слово благодарения Богу, так часто и подолгу, как молитву Иисусову: «Слава Богу за всё!» и опять: «Слава Богу за всё!» При этой молитве отходит ропот от сердца, смущение исчезает, и так мирно становится на сердце, радостно... У Господа есть свет, который всякое смущение отгоняет. Только бы приступила к Нему душа верою!

... Святые отцы, научая нас бороться со страстями, говорили так: «Падай и восставай». Падай не исполнением греха или греховного чувства, но падай ослаблением воли произволения в борьбе с греховным помыслом. А потом опять вставай, то есть укрепи произволение, вновь начинай борьбу с грехом. Но тот, кто упадёт, не может вскоре вскочить и бежать. Он ушибся, все члены его разбиты, он едва опомнился от падения, в борьбе он слаб, пока не соберётся с силами или пока кто другой не придёт ему на помощь. Точно так и воля наша. Если она пала, то есть увлеклась греховным помыслом, она ослабела, разбита, бессильна. Этими слабыми силами ей надо вставать, начинать бороться, хотя вся она разбита и как бы мертва. Должно звать на помощь Того, Кто один может помочь, — но и голос её бессилён, даже нет его совсем. А когда придёт помощь от благодати Божией, то она укрепит и вновь восставит.

С самого отъезда из Петербурга я не писала тебе, а между тем часто, очень часто мысленно с тобою беседую. Точно сон, и хороший сон, моё пребывание в Петербурге. Наша поездка в Кронштадт к батюшке отцу Иоанну, его посещение нашего дома, все его слова, всё это точно дни, прожитые в ином мире, хорошем, святом. Теперь я поняла душою значение всех его слов ко мне, поняла и пережила их, не одним сердцем пережила, но и жизнью. Все его слова сбылись со мною, и когда сбылось то, что он мне предсказывал, его слово меня поддерживало, направляло мой дух, давало смысл всему и даже плод чувствовался от пережитого. По его слову, на меня много и разнообразных скорбей нашло по Божию попущению. Но ты не беспокойся! По милости Божией, явленной мне молитвой отца Иоанна, всё теперь проходит, точно буря утихает, и скорби и искушения миновали.

* Евр. 13, 6.

** 1 Фес. 5, 17–18.

Угодно ли Господу исполнить наше прошение и дать мир и спокойствие жизни? Настойчиво просить о чём-нибудь мы и у человека не решаемся, тем более у Бога не можем просить и ожидать непременно исполнения своей просьбы. Мы даже не знаем, что для нас полезно, что вредно. Но в чём мы можем видеть помощь Божию, Его милость к себе — это в том, что Он даёт нам переносить невыносимое с терпением, с смирением, с покорностью Его святой воле. Это великая милость Божия — и я вижу, что она совершается над тобой. Ты выносишь то, что человеческие силы выносить не могут. Ты терпишь со смирением и покорностью. Твоё сердце не ожесточается против виновника скорбей. Не Божия ли помощь тебе содействует и укрепляет дух твой? Только веруй Господу и всё Ему предавай. Он своими путями, Ему одному ведомыми, всех приведёт к себе, к миру и спасению. Будем же Ему молиться, да совершается Его святая воля над нами!

Что значит верить в Бога? Верить необходимо не только в существование Бога-Творца и в спасение, дарованное нам через Иисуса Христа, но надо верить неизменно, во всех обстоятельствах жизни, как бы тяжело ни было, что Бог милосерд, хочет нашего спасения и, видя, зная не только в чём временное наше благо, но и вечное, ведёт нас к нему как любящий, но мудрый отец своих детей, направляя их с одинаковой любовью, лаской и строгостью. Поэтому надо всё принимать с упованием на милость Божию, прося только помощи Его, всякое испытание или искушение, извне ли оно приходит, от наших ли немощей или от людей — орудий Божиих для нашего спасения, и часто обоюдного. Нашим смирением спасаются и ближние наши, огорчающие нас.

Из писем к В. П. Г.²

... Святые отцы всегда советуют, чтобы никогда не делать никакого решения во время душевного смущения. Когда мы духом смущены, то не можем правильно и здраво рассуждать, а тем менее можем чистою совестью и сердцем мирным познавать волю Божию. И сердце, и дух смущён, и солнце Правды закрыто от взора души. С этим решением надо подождать, не торопиться и пока никому не говорить. Монастырская жизнь очень тяжела. Она требует особенного призвания Божия, особенной душевной потребности жить высшими идеалами. Без этого она даже смысла не имеет.

Когда тебе придёт нетерпение, то ты вспомни, как много и долго терпят узники, заключённые в одиночную тюрьму, а ты не в тюрьме, окружена удобствою и людьми. Надо тебе взять себя в руки, надо назначить себе молитвенное правило и правило терпения лишений, одиночества — это необходимо монаху, чтобы прийти к Богу с сердцем терпеливым, одиноким, бесстрастным. Надо полагать начало.

... Скажу тебе от души, что я всегда желаю и подвизаюсь, чтоб всё творить, всё делать и поступать по воле Божией. Есть у меня желания, я их высказываю, а на душе у меня одна мысль и желание, чтоб всё совершилось по воле Божией. И в этом случае, если я и желаю провести последние годы жизни в уединении, то это не есть моё решение, а только одно желание. А моё желание, чтоб всё совершалось в моей жизни по воле Божией. И при таком построении моей души, при такой преданности воле Божией моё сердце мирно и никогда не бывает в смятении или неудовольствии, если что не сделается, как я желала или предполагала. Советую тебе искать душевный мир в своём сердце, предавая всё воле Божией, люби её — эту волю, старайся и подвизайся всегда подклоняться ей. Один святой отец говорил: «Если б небо столкнулось с землёй, и тогда я не утратился бы». Дай Бог и тебе утвердиться в преданности Божией воле!

Твоя мать о Господе, и. Арсения

Источники

1. Усть-Медведицкая игумения Арсения // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Июль. М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1910. С. 413–435 (это жизнеописание игумении Арсении перепечатано, с незначительными изменениями и некоторыми перестановками, из: Кончина настоятельницы Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря, игумении Арсении, и её краткая биография. Новочеркасск, 1906).

Переиздание:

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков (с портретами). Июль. Введенская Оптиная пустынь, 1994 (репринт).

2. Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Области Войска Донского. М., 1913.

Переиздания:

Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Области Войска Донского. Изд. Св.–Успенского Псково–Печерского монастыря, 1994 (репринт);

Игуменья Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Области Войска Донского. М.: Изд-во Моск. подворья Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998 (без ссылки на источник);

Путь немечтательного делания. Игуменья Арсения и схимонахиня Ардалиона. Изд. дополненное. М.: Правило Веры, 1999.

В настоящем Приложении в неоднозначных случаях частично использована редакция переизданий 1998 г., а также 1999 г. (в т.ч. редакционные сноски).

Все подстрочные примечания добавлены при редактировании.

*Материал подготовили:
Леонид Данилов, Роман Намтаров
Сентябрь 2003 г.*

© Л. Данилов, Р. Намтаров, 2003,
составление, примечания

Опубликовано на сайте: 8.10.2003